

Геннадий Антонов

И ОСЕНЬ ЖУРАВЛИНАЯ В ГЛАЗАХ

Поэмбук

Поэмбук

Создано в Поэмбук, 2023
www.poembook.ru

Геннадий Антонов

**И ОСЕНЬ
ЖУРАВЛИНАЯ В
ГЛАЗАХ**

./.. Поэмбук

Содержание

И ОСЕНЬ ЖУРАВЛИНАЯ В ГЛАЗАХ	6
-----------------------------	---

И ОСЕНЬ ЖУРАВЛИНАЯ В ГЛАЗАХ

О природе, о погоде.
Сезонные.

ВЕСНА

...но довольствуюсь тем, что имеется бурный
пролог...

Мне саврасовский грач что-то в ухо
прокаркал намердн.
А дворовые псы средь сугроба устроили гон.
Уходящий февраль поморозить решил было,
вредный.
Но разжалован вмиг! Даже с мясом оторван
погон.

Обнаглела весна! Нарушает границу
запретов,
высылая вперёд донельзю плюсовой
арьергард.
В крике драных котов - лейтмотив: песня
зимняя спета...

Календарно - февраль, а в натуре - давно
уже март...

Ветви голых берёз - будто кисти из рук
Левитана.
Даже мерин гнедой притащился к подъезду
вчера.
Он привёз молоко в двухлитровых бутылках,
сметану.
Но задел "Жигули"... Их хозяин истошно
орал...

В жёлтых метках сугроб, но по-прежнему
крепок и грозен.
Завалил до ушей он на стройке нехилый
забор.
Даже если учесть всевозможные зимние
козни -
всё равно ощутим предстоящий весенний
напор.

Хороводится дым над ближайшею дачною
баней.
Это признак того, что народ повалил из
берлог.
Предсказал бы мне кто, что весна будет
бурной и ранней!
Но довольствуюсь тем, что имеется бурный
пролог...

...на три дня воробьиных полётов...

на горячее март свой финал неизбежный
плеснул,
положив марлезонский почин для весенних
балетов.
день обманный апрельский, безумно
похожий на лето,
как заправский рыбак кинул в озеро-небо
блесну.
в закоулках как будто бы веник прошёлся
тугой -
всё повымел: слежавшийся снег,
солекаменный лёд, и -
в огородах черно на три дня воробьиных
полётов,
если в эти три дня контингент не прибудет
другой...
одиночество парка пронизано криком: я -
гол!
и действительно гол, не считать если
солнечность тканью.
голый крик этот скоро в распутстве
салатовом канет,
трансформируясь в шабаш с летящею в
ступе Ягой...

...жажда весны...

движенья жаждет лёд большой реки.
весна свой календарь вовсю листает.
для ледохода вещь нужна простая -
лучей поярче, тучам вопреки.

февраль бормочет внятно: я ушёл,
я больше не могу, я мру и сохну.
окрашены сугробы грязной охрой.
на вербах пробивается пушок.

места для встреч с гвалтливою гурьбой
готовы у небес, у крон, у луга...

однако я спешу.
и льдом упругим
придавлена река, как жизнь судьбой.

и сколь я ни выглядывал весну,
в окне кружат снега, как рой осиный...

пойду-ка покупать я апельсины,
чтоб в небосвод оранжевым плеснуть...

...а снегом март обманывает зиму...

"... ни на солнце, ни на смерть нельзя
смотреть в упор..."

=====

Франсуа Ларошфуко

Давай же, март, не думая, плесни
в лицо мне снег твой тёплый,
ненормальный.
Он мне, как песня тысячи шарманок,
сгоняющая зимний сон с ресниц.

За песню можешь плату ты взимать.
О ней мечтает люд любого ранга!
А я согласен быть твоею Вангой,
пророча: скоро кончится зима!

И зеркала, что скрыты под шугой,
откроют вскоре нам свои владенья -
мелькнёт там Ихтиандра привиденье,
в упор посмотрит сам Ларошфуко.

Качнут солнцеворотные весы
той чашей, где насыпан ворох света,
посыплются грачи горохом с веток,
покатятся ручьи, как в масле сыр.

Такой воображения Грааль,
пока я рот на тёплый день разинул.

А снегом март - обманывает зиму.
А та ему не верит ни на грамм...

...и лишь на холме...

салатовый мир стал как лунь седым
от вишен, черёмух, слив.
и майские грёзы вошли в сады,
так входят суда в залив.
цветущий сезон открывает счёт,
белила зимы украв.
а что отберёшь у неё ещё?
не с карт же краплёных крап?
а в мае с утра щебетанье сплошь,
и запах природы нов.
снегами сошедшими смыта ложь
царивших полгода снов.
рассудок проснувшийся снова трезв
и чист, и как нож остёр.

...и лишь на холме одинокий крест -
- мой крест.
мой колючий тёрн...

...ну а в окне тот же вид со мной...

а за окном моим тот же вид:
остров берёзок нервных.
что им?
казалось бы, век живи!
ссохнуть пристало первой -
не распустила листвы весной,
став обелиском белым...
грустно мне что-то, народ честной.

будто бы подлость сделал.
только не знаю кому и где.
влезть бы на колокольню,
крикнуть бы,
к небу перста воздев:
люди! простите!
вольно,
не вольно, кого задел
может быть в жизни этой.
смыть обещаю грехи в воде,
солнечным выжечь светом.
а не растопят обиды снег
громкого крика искры,
стать, видно, тоже придётся мне
эдаким обелиском,
белым, как этот высокий ствол
с метками чёрных мыслей.
вкруг вроде майское озорство,
но на душе так кисло!
тягостно как-то, пречестный люд,
так, что вопил бы выпью!
если мне правды стакан нальют -
я непременно выпью!

ну а в окне - тот же вид со мной
(взгляд мой почти тверёзый):
там продолжает свой путь земной
труп молодой берёзы...

...предмартье...

...отголосила зима лихая
холодно-белым стихом печали...
...тот стих - как праздник звучал вначале,
потом похмелье...
...и не стихает...
...весну встречает зима сурово -
гастритом вьюги урча в утробе,
морозом -
ночи звездисто гробя,
ряд сталактитов приклеив к кровлям...
...но утро - даже в расстрельном списке
себя увидев,
о марте мыслит,
вливая в небо рассвета рислинг,
и девку-солнце мечтая тискать...
...под кислый рислинг весна проглотит
холодный студень февральской каши...
...и станет зримой вся правда наша
на обнажённой от снега плоти...

xxxxxx

Из радуг, отмытых дождями, был замок наш
выстроен.
На спектр и на блеск не влияли ни грозы, ни
злость.
Но капли росы семицветной иссушены

быстрыми

залётными ветрами. Где теперь замка
колосс?

Одни говорят: мы его поздним вечером
видели.

Другие: позвольте? Строения вовсе и нет.

А третьи - те просто стоят, как безмолвные
зрители,
как будто винтовкой их кто-то приставил к
стене.

Но замок теперь растворился расклёванной
печенью

в желудке орла, у которого крыльев размах -
вполмира - точнее измерить его просто
нечем мне.

Ну ладно хоть кончилась долгая эта зима!!!

...а, по-моему, весна...

А, по-моему, весна!

Город, хоть и тих,
стал загадочным весьма.

Не находите?

Вот, прищулив солнцу глаз
ветками вершин,
придорожный старый вяз
пальцы распушил.

Был сиреневым с утра
рыхлый снег окрест.
Кот в заплатках свежих ран
ноту внёс в оркестр.
Взвод сосулёк поредел -
(весь в прорехах ряд!)
к послезавтрашней среде
стают, говорят.
Симпатично так блестят
встречных мне глаза -
блеск бы этот, да на стяг -
миру показать.
Изменения видны.
Есть разгадка им:
март, движением одним,
стёр весь зимний грим!

Ожиданьем грудь тесна.
Зря что ль город стих?
А, по-моему, весна!
Не находите?

...март. начало...

Надоела зима до чёртиков.
Надоела зима - кошмар -
наступает с морозным кортиком
на пришедший внезапно март.

Измотала зима катушечно.
Измотала - как "зингер" нить.
В полдень - звуки весны игрушечной.
К ночи - грохот щеколд дверных.

Словно егерь, зима зафлажила
все дороги для стай весны.
Оборона на "пять" налажена!
Пересыпаны снегом сны...

Но на марлю похож на грязную
утверждённый, но старый наст.
Не победу сегодня празднует,
а вбивает метелью в нас
уходящий сезон размеренно,
что живой он и полон сил.

Пусть метели!
Уже - не верю им!

В зиму март тёплый нож вонзил...

...кусочек лета бы взаймы...

Неотступление зимы -
в порядке - даже эполеты!
Эх, дал бы кто-нибудь взаймы
кусочек будущего лета.
Его б я всячески хранил,

не пропуская снег и иней
сквозь загородку из брони...
Сидел и пил бы там "Мартини"...

Я в магазине за углом
куплю грозы бурлящей призрак.
Конечно, это только клон,
ведь настоящей негде вызреть.
Но в данном случае - эрзац
ни сколь не плоше абсолюта.
Пусть лучше так, чем замерзать
весной морозной, странной, лютой...

На рынке видел я вчера,
как продавали пару радуг.
Был небольшой в них, правда, брак -
цвета сместились, но ведь радость
от созерцанья красоты
не меньше, чем от настоящих!
Возьму!
Сомнений жгу мосты.
А колебанья - в долгий ящик!

Пускай вокруг - снегов бугры,
а я, рекламе повинуюсь,
приобрету "канаду грин",
бассейн, матрац, качели, ну и
уйду спокойно отдыхать
в июль, но в мой - июль локальный!

Ехидно крикну марту: "Ха!
И без весны мне здесь нормально!"

А за бортом - опять пурга
и ни одной весенней меты.
Январский март - предатель, гад!
И вражьи носит эполеты...

...март и птица с Брахмапутры...

Весенней ласточкой полётра
шальная птица голосила.
Она неделю с Брахмапутры
неслась сюда, что было силы.

Но не свезло, дурной, с прилётом.
Легла такая нынче карта,
что рано встала на крыло-то,
обман ей был в призывах марта!

Поголосил и я бы с нею.
А что бы мне не голосить-то?
Седым-седая хмарь в окне и
сквозь небо снег, как через сито.

Вот птица нишу мне уступит
и я сменю её с обеда:
заголошу в пространство тупо
и не замолкну до победы,

той, что, конечно, вскоре грянет,
расплавив тонны снежной пудры.

Шутить нельзя с календарями,
пускай ты даже с Брахмапутры,
пусть даже ты стремишься жутко
яйцом гнездо украсить срочно!

Что голосить я буду - шутка!
А что орала птица - точно!

Ори, звони, как в полдень рында,
помёт стрясая с жирной гузки.

А нет бы знать,
что
март на хинди -
не тот же март,
что
март по-русски!!!!

...а ныне март...

А ныне - март - до снега падкий -
с зимой якшается интимно!

Мне волю дай, я б - по сопатке
такому марту!
На, противный!

И, превратив сопатку в плюху
(расквасив носа квадратуру!),
ещё б ему добавил в ухо...

Глядишь - ушиб, температура,
капель, испарина ручьями...
Уже не встать ему с постели...

Вердикт, подписанный грачами:
"Права весны отдать апрелю!"

Мечтать не вредно. Но внимаю
пурги порывам заочно...

Солнцеворот.
В окне зима и
март - ейный хахаль незаконный...

...весна и муха ласточкою в сени...

Ну вот! Весна! Ура! Проснулась муха!
Шмяк об стекло. Красиво, что сказать?
Жужжит и вьётся у меня над ухом.
(Свербит в зад. При чём же здесь мой зад?)

Весна! И муха - ласточкою в сени.
Крыла вразлёт. Совсем не снулый вид!
И в чашку с чаем, будто в море сейнер!
(Ну нет, смешно! Опять в зад свербит!)

От чая вовсе крышей обезумев,
Весенний вестник - крылышек слюду -
Вновь превращает в очень громкий зуммер.
(Опять смешно. Опять свербит в заду!)

Расчерчен мухой воздух тесной кухни.
Вопрос в мозгах. Я долго не усну.
Но бастион вопроса ночью рухнул.
Почто свербит?
Зад чувствует весну!

...городское весеннее...

Обнажились прошлогодние листы...
Под окном слышны сонаты, фуги, скерцо -
исполняют их влюблённые коты,
когти песен запуская прямо в сердце...

Почернел уже в агонии сугроб -
кровото́чит, весь израненный, ручейно.
У него температура, жар, озноб
и склероз ещё, от старости, рассеяный.

У зимы давно закончился лимит -
не остры её морозные иголки.
По утрам кричит пернатый кто-то в "ми".
Завывания метельные умолкли.

Пёс дворовый голосует у столба,

ввысь задрав (охальник!) палевую лапу.
И грохочет водосточная труба,
исторгая из себя ледышек кляпы.

Вот проплешина большого пустыря,
что к зиме почти что наголо обрита,
фимиама дух весенний воскуря,
мать-и-мачехи испариной покрыта...

А природа, гляньте, снова на сносях.
Ведь родит сейчас! (уже отходят воды!),
хриплым карканьем грачиным голося...

Акушер-апрель бежит, бежит, труся,
принимать (в который раз, скажите?!)
роды...

...весна. си минор...

Ты погоди. Музыкой нам
станет капель.
Пришлых обид рухнет стена,
впору запеть.

Песне ручьёв мы подпоём,
флейте дождей.
Хочет весна видеть вдвоём
нас целый день.

Правда, хитрит, знает, что день
вытечет в ночь.
Свечи берёз в талой воде.
Из дому прочь -

смело к тебе вдоль по весне
с рифмой в горсти.
Сердцу в груди стало тесней.
Толькопусти!

А по-над городом развесили весну.
Цветное полотно. А что под ним?
Под ним - давно в глазах твоих тону,
под ним - пестреет лента - ночи, дни...
Печально? Нет!
Так долго можно жить
без переходов бодрствования к сну,
когда с закатом путаешь рассвет...
Всё это мне? И всё не бред?
Людей не спрашиваю. Вдруг они наврут?...
Но стрелки - листья выпустили вдруг
под бой часов. И циферблата круг
сказал: "Не знаю!", - будто бы Сократ...
А по-над городом развесили вчера
цветастый шёлк - исподнее весны...
А завтра есть?
Тону... И вижу сны...

...вечный зов...

Над апрельскими берёзами -
лазурит.
В зимнем всё ещё некрозе вы,
Лазари?
Нет, не верю, не погибли вы,
вот вам крест!
Зов весны похож на библию -
мир воскрес.
По примеру предка древнего -
(бодрость та ж!)
(где ты? в городе, в деревне ли?)
с одра встань!
Пей вино весны горячечной,
млечных гроз.
Знай, спаситель твой не спрячется
в венчик роз.
Он пройдёт с зелёным посохом
вдоль земли.
На ветвях, в воде и посуху -
забурлит.
Щепка с щепкою подружится
на дровах.
Станет тесно в каждой лужице,
в речках, рвах.

Над берёзами, над течными -
облака.

Этот зов признали вечным мы

на века.
Он рождений с воскресеньями -
бог и царь!

И не просит разрешения
у отца...

...апрельский грипп...

Серо-зелёное небо гриппозное -
насморк у неба созрел -
капает с носа - лечить его поздно и
хмур заболевший апрель.

Вечер, казалось, манил перспективою
утро зарёй обагрить.
Нет, победила болячка противная
с гадостным именем - грипп.

Кисло во рту - ацетил-салицилово.
Вкус не весны - октября.
Осень весну заразила бациллами.
Хочется крикнуть: Ну прям!

Прямо ли, криво - в испарине улицы -
справится ли водосток?
Липа-врачиха (мокра, аки курица) -
сбросит больничный листок,

тот, что не выдала осени ветреной.

На бюллетене весна.

Лужи - уже измеряются метрами,
а настроение, знать -

сможет улучшиться через неделю лишь.

Знаем, хоть и не врачи:

что бы мы с насморком этим ни делали,
чем бы его ни лечить -

будешь семь дней вытираться платочком и
кутаясь в тёплое, преть.

Здрав будь!

И радуй набухшими почками,
ныне гриппозный апрель!

...первоапрельская безумица...

Первоапрельское небо на вертеле
крутит с морозом весь день шуры-муры.
"Это надолго?",- спросил. Не ответили.
Кто там на небе сегодня дежурный?

Где же, весна, твоя быстрая конница?
Видно, сидишь на спине ты ослиной,
медленно едешь. Зима-то и ломится -

лужи в наручниках. В кáндалах глина.

Просто - сегодня сплошная безумица.
Вроде - апрель и немыслимо ярко.
Кажется , больше - зима и не сунется.
Как же! Студёное утро - подарком.

Нам катаклизма не нужно природного!
Как так? - В апреле позёмная змейка
лезет собакой бездомной нам под ноги.

Слушай, весна, хулиганить не смей-ка!
Первоапрельские шуточки юмора
выдай нам в виде журчаний ручейных.

Зимний апрель.
Нет, конечно, не умер я.
Но - ощущение -
будто - ничейный...

...мне холодный апрель...

Мне холодный апрель показал свой язык
ледовитый,
выбегая трусцою из сектора тёплых
прыжков.
Полушубок - в ломбарде! Вот так! И с
апрелем мы квиты!,-
я гримасу апрельскую встретил ехидным

смешком.

Средний месяц весны хулиганистым
выдался ныне.

Ладно - март-лиходей - он ведь пасынок
белой зимы!

Мы дразнилке в ответ - рамы зимние
напрочь повынем,
и фрамуги откроем. Зиме не бывать тут.
Аминь.

На студёных ветрах искромётное солнце в
аллюре
всё длинней и длинней полосует на небе
круги.
Разогреется. И - ничего, что покамест
халтурит,
всё равно отошли времена холодов и пурги...

Раздвигаются рамки надежд на хорошее
время.
Уползают змеей подозрения в бренности
дней.
Холоднющий апрель маем тёплым (я знаю)
беремен.
И фарватер ручьёв с каждым днём всё
видней и видней...

...чисто майское...

Начинаю с нуля.
Однозначно. Конкретно.
Обещаний и клятв,
разрешений, запретов,
расставаний, нытья,
истеричного смеха -
мне не нужно, ведь я -
не ушёл, не уехал.
Просто жизненный лист,
рассмотрев на досуге,
где пятном растеклись
устремленья, потуги
стать значительным и
безобразно известным -
после читки отмыл.
Пригодился "Доместос".
Лист (белее, чем снег) -
постелю под рябиной.
Там вчера о весне
пел оркестр соловьиный.
Пусть ночные певцы
в лунном мареве света
между "цвирк", "фьють" и "цинъ",
лист получше разметят.
Посмотрю и пойму
(я серьёзно, без смеха!),
что пометки - не муть,
а дальнейшие вехи.
Весь отмытый, другой

пошагаю я с лета
среди полей и лугов
и от меты, до меты.
Поднимая к губам
ограниченность стакана,
я подумаю: "Ба!
Не хватало мне плана!"
Птиц отблагодарю:
ночью, вовсе не сонный,
подпевать про зарю
стану я в унисон им.
Если спросит кто лист:
"Покажи, не ломайся!"
Вмиг отвечу им:
"Плииз!"
Я, ребяташки - майский!"

...чтоб...

листва прилетела, покрыла сплошь
оттаявших крон каркас.
надеть босоножки взамен калош
подписан уже указ.
прибавку минут, как зарплаты, дням
бухгалтерски май предрёк,
и что запрещён по ночам ледняк -
стрекошет сорочий трёп.
готова побелка для вишен, слив -
я видел отчёт вчера.

грозу вместе с ливнем с утра несли,
просыпав дорогой град.
короче, готов организм земли
войти в полноценный ритм.

...жаль, я не узрел журавлиный клин,
чтоб с ним по весне парить...

ЛЕТО

...лето. утро. ноты...

Пронзало утро сквозь пространство в "ми",
заставив блекнуть звёздную фасоль.
Восток-маяр окрасился в кармин,
седой туман разучивает роль.

Вот птичий крик на сип перескочил -
сорвал свой голос утренний солист.
Полями бродят жирные грачи -
в их перьях все цвета пересеклись.

Край солнца вылил в утро "до-мажор".
Напившись ночи, выпала роса.
Раскинул руки ветер-дирижёр
и разложил свой шум на голоса.

Болотный дым - как едкий септ-аккорд-
разбить готов строй звуков в диссонанс.
Но жив оркестр, всему наперекор -
плетёт венок из утренних сонат!

...июнь. сны...

По-над речкою - стрекозы.
Воздух утром свеж и юн.
Лето в девках - главный козырь,
что припас в горсти июнь.

Солнце спицей золотою
сверлит неба лазурит.
Плачет чайка над водою,
захмелев вином зари.

На опушке - бисер рыжий -
сонм лисичек-близнецов.
Вот кукушка годы крыжит -
кто-то вытянет лицо.

Ищут слётка под ольхою
два родителя-дрозда.
Неслух сын. Ой, нелегко им!
Я б медали им раздал!

Будто горстку белых рисин
в холм просыпал кто, зевнув:

по крупинке - беглой рысью -
муравьи их - шашь вовнутрь.

Начинает паутина
прилепляться на носы.
Вырос в ерике пуд тины.
Лещ плеснулся - сном он сыт.

Заневестились ромашки.
Одуванчик полысел.
Спрятал кисти в цвет фисташки
лист рябин - гофре-плиссе.

Загляденье! Красотища!
Ксилофонный стук тростин.

Сну - облом.
Начальник ищет!
Побегу!
Июнь, прости!

...на пике июльского кряжа...

На пике июльского кряжа
день нынешний тихо застыл.
Заглядывать в численник даже
не нужно, приметы просты:
уже не светает в четыре
и крови не пьют комары.

У дня кто-то вражески стырил
почти целый час средь жары.
Свалили, конечно, на Павла
с апостолом равным Петром.
Червонец спокойно поставлю,
что к августу некий пророк
часа полтора схороводит,
в своей колеснице скрипя.
Олени помочатся в воду
зарёй, что взойдёт только в пять.
Не нужно тащиться к гадалке,
понятно ведь - ныне и впредь
купальник не нужен (а жалко!) -
по(д)писан олений запрет!
Потом кабачки с огурцами
измучают бедных крестьян,
цепочки и клинья на саммит
зимовочный ушелестят.
Блеснёт на испуганных лицах
гусей нелетающих жир,
спасительный в цельсий за тридцать,
что вниз от нулевой межи.

Но радость!
Нам дней так пятнадцать
всем вместе (а можно поврозь!)
ещё предстоит наслаждаться
блаженнейшим временем гроз!

...июльская басня...

Окутал улицы туманом
июль, чтоб скрыть свои замашки.
Он десять суток небом рваным
лил воду в землю. Промокашкой
предстала взору твердь земная.
Кричал он людям: "...эй, букашки!
Я лета пуп! Я способ знаю
вам показать природы силу!
Хошь - иссушу землюку воблой,
а хочешь - молний мотовилом
прошью леса до дымной дури,
Хошь - урожай дождём угроблю!
Я - лета пик! Я есть, в натуре,
царь летних дней. Макушка то есть..."
Но тут на свет, глазищи жмуря,
грозою разбуженная совесть
пришла негаданно. Как буря.
Схватив июль за косы ливня,
встряхнув его от туч и молний,
вскричала бранно и противно:
"...Мерзавец! Лето чем заполнил?
Ну - пару-тройку гроз... И будет!
А ты творил тут что? Не ведал!
Каким тебя запомнят люди?
Вода до вечера с обеда...
Не прекратишь, уйдёшь в отставку!
Пусть август вскорости наступит!

В календари - внесём поправку.
Ты вёл себя до жути глупо..."
Зевнула совесть раз, и дважды,
и снова - к сладостям Морфея...
От сих речей струхнул бы каждый.
Июль, как пёс, лизнувши раны,
рукой взмахнув, как в сказках фея,
окутал улицы туманом...
И всё вокруг пока неясно.
И всё вокруг пока нечётко...
Такая вышла повесть-басня
о том, как злая совесть-тётка
скандал июлю закатила...

Всю ночь туман. С утра светило
сушить пыталось хляби-студни...

Ой, что-то ждёт нас пополудни?

...одним предложением...

стремясь к пришествию покоя
природа
(в вечер затолкав:
туман, разлитый над рекою,
слепого облака рукав,
полуприкрывший золотую
большую шляпку от гвоздя)
совсем тому не протестует,

что после шумного дождя,
трескучих молний,
ветра,
грома,
покой
правления бразды
взял в руки
и над нашим домом
природу лунно пригвоздил,
чтоб не буянила,
не пела,
чтоб не пускалась снова в пляс:
схватил её под руки белы
и вколотил ей
гвоздь
меж глаз...

...август – косматый ключник...

Август, косматый ключник, в окно стучит -
двери закроет в лето,
его ключи -
в желтые листья тополь уже вложил.
Лето идёт упрямо к надрыву жил.
Время почти осенним ручьём течёт.
Пост свой июль оставил, и взял расчёт.
Зреет в реке холодный оскал воды.
Леса хребет упрятан в туманный дым.
Чуя кончину, мечется тишина.

Вся ипостась природы напряжена.
Снова игра на нервах и убыль сил.
Август в окно стучится.
А я просил?

...брут-август...

косая тень над летом пролегла
светило в высь путей уже не ищет
листва готова стать осенней пищей
а суть моя вступает в мор и глад
сезона-антиподника весны
несущего кончину мне и лету
веками не меняющего метод
сжигать в кострах желания как сныть
зазывно-жёстко время потекло
почти что так как в гон течёт у суки
сентябрь-кобель с природой год в разлуке
и крыть её готов не тратя слов
держусь за мысль как тонущий за буй
что время есть и рыжий плен не скоро
но сдан июль как осажденный город
брут-август - мост в осенний мрак-зыбун...

...желчь необратимых перемен...

Воздух стал особенно прозрачен.
Желтизною тополь запестрел.
А какой-то припоздавший дачник

жжёт былинки летние в костре.
Снова удивление на лицах:
возраст лета до сединок зрел
на периферии и в столицах,
в полночь и на утренней заре!

Подступает к горлу тошнотою
желчь необратимых перемен.
И неясно - то ли плакать, то ли
колотушкой сторожа греметь,
чтоб не проскочил багдадским вором,
иль змеёю дымной не проник
пилигрим-сезон, несущий ворох
шелестящих выпавших страниц
из главы трёхтомного романа,
где росинки утра серебрят...

- Ой! У лета лошадь захромала!
- Добредёт до финиша помалу...
- Но падёт к началу сентября...

...последние сны...

Старый рояль в тишине осип -
в дрёму затянут, почти как в зыбь.
Снятся ему: ре диез грозы,
россыпи капель в листе осин...

Помнит он полный шуршаний зал

и напомаженный в ночь паркет,
девичий шёпот усталый: "нет...",
в миг, когда вряд ли уже назад...

Крышка (растрескалась - дань годам) -
носит отметины винных чаш.

Плакала воском на лак свеча...

Август за ставнями волю дал
дыму листвы - за мазком мазок.

Дождь - уходящего лета сок...

...нехочуха...

Нанизывает дни
как бусы
календарь,
и бусами наотмашь по лицу.
За семьдесят ночей
забудешь,
не ударь,
что нитка тёплых дней,
увы, к концу...

И снова предстоит осенний марафон.
И снова листопад на чётках дней.
Ах, эта осень.

Мне -
она не комильфо.
Пусть тонет грусть в антоновском вине.

На перепутье снов
о красках алтаря,
где зелень бронзы станет золотой,
стою.
И не хочу
в сентябрь,
ведь я - варяг
для осени.
Родня -
весне зато.

Мне ближе соловьи
и очумелый май,
черёмухою бивший по ноздрям.
Но осень,
не спросив,
идёт ко мне сама,
нанизывая новых бусин ряд...

...черноокая тишь...

Ностальгический дым подступающей
осени
клубы горькие
вылил.

Август ветренный
вечером
вплёл
в свои косы
нимб -
из звездящейся пыли.

Пр...:

Черноокая тишь
оглушает цикадами...
Воздух тёплый
и вязкий.
Я билет приобрёл -
посмотреть
звездопадовы
половецкие
пляски...

Небо Землю солить
собирается
на зиму -
пылью космоса
крупной.
Не ленись,
исполнения желаний
заказывай -
звёздам это
доступно!

Вечер,
поездом скорым,
стремительно-
выстрельно -
сразу в ночь
переносит.
Из шуршащей листвы
дымный мост
будет
выстроен
зодчим-августом
в осень.

А пока ещё лето.
И слышатся
выкрики
птиц - из ночи,
из темени.
Но для платья
осеннего
режутся
выкройки -
всё сошьётся
ко времени.

...я сегодня невольник...

Я сегодня невольник. И в окошко глазею.
Там сюрприз прибалтийский - обложные

дожди.

Для кого-то, быть может - это море -
Остзее...

От восточных нордвестов солнца жди, не
дождись...

Занавешены окна кисеёй рвано-мглистой.
Неотжатое небо опустилось к земле.
С неотвратною бронзой (вдоль по зелени)
листья -
аппликацией банной на вспотевшем
стекле...

Сине-серые губы кругового ненастья
беспрестанно насильно норовят целовать -
с перебоями пульса - мокрых улиц запястья.
Не роман - однозначно. И глава - не глава -

однотонный сюжетец на земле-промокашке
расписала природы водянистая кисть.
Где твой численник, август? Октябрёвы
замашки
у тебя появились. Ты подумай, окстись...

Дай в последние числа не почувствовать
осень!
Дай себя обмануть мне - брызни солнцем
окрест!

Я сегодня невольник. И не нравится вовсе
мне подарок балтийский, что принёс нам
нордвест...

...под утро шагнёшь однажды...

вот выткался август из новых нот
да только грустны слова
про то что у лета завял веночек
из старых хмельных лаванд
и песенка эта из века в век
дымами в садах горчит
уходят
тепло из земных каверн
и звёзды с ночной парчи
вползает лазутчиком жёлтый зверь
чтоб желчь свою в зелень влить

под утро однажды шагнёшь за дверь

и ты уже в осень влип...

ОСЕНЬ

...мне весь период нехорош...

Противный ветер рвёт листву.

Деревья - с прожелтью.

Вновь скажет осень: существуй,
ведь лето прожил ты.

Хоть и готов принять обряд
такого случая,
я, начиная с сентября,
до снега мучаюсь.

Мне весь период нехорош -
в нём нежить рыжих тайн,
всё время чувство похорон.

Как можно выжить там?

И мру, и мру, когда дожди
ночами длинными,
когда на юг ведут вожди
крылатых клиньями.

Какой там, к бабушке, багрец,
когда всё плеснево?

Я б «наше всё» в лицо огрел
за эти песни вот.

И ведь не скроешься никак -
езде зафлажен я -
и посреди березняка,

и в джунглях башенных.
Вот и приходится идти
сквозь осень спячно
под листопадовый мотив,
посколь не спрячешься.
Недуг мой многим по родству -
бредущих цепь густа.

Колющий ветер рвёт листву
на склоне августа...

...дождями к ногам...

солнце движется небом - как будто рекой
блесна
на коленях природа - что иннок в мольбе со
сна
изумрудную зелень буравит сентябрь
насквозь
не замажут прореху ни пластилин ни воск
в суматохе природа - кончина её близка
а волшебную палочку нечего и искать
все попытки такие проглотит седая хлябь -
и впихнёт в голосащие зевы лиственный кляп
эпатажное лето дождями к ногам стекло
прилипает листва увядания на стекло
всё истошней и громче натужный тревоги
глас

и заметней становятся тени в озёрах глаз

без потерь бы продраться сквозь рыжий и
мокрый лес...

и весною не согнуть
летя на одном крыле...

...пока что...

снова сентябрь-желтоверх мне пришёл
назло,
режет глаза уже дымом его костров,
взялся привычно за старое ремесло -
рушить и жечь всё, что летнее, вместо дров.
падают с веток листвой благодать и тишь.
грозы небесные сбились на тихий плач.
жалко, что с птицами к югу не улетишь -
выщипал летние крылья сезон-палач.
бабочки дружно покинули мой живот.
сгорбленным стал силуэт,
абрис плеч - покат.

нет, я, конечно, пока что ещё живой,
в смысле - живой я, конечно, ещё.
Пока...

...упадническо-осеннее...

уже отпет природой ближний лес.
деревья в окнах - временные трупы.
наотмашь осень бьёт коня по крупу,
творя дозор, следя чтоб зной не влез.
а небосвод слезу пустил, грустя
о том, что силы не хватает больше
лучом пробить седого мрака толщу,
и развернуть лазури гордый стяг.
довлеет страх - и яростен, и лих,
пред той бедой, которая пребудет -
с дождём косым замеченная в блуде -
грязна, корява и страшна на лик.
настали дни - как глубь озёр лесных -
все из свинца тяжёлых ожиданий.

молю, создатель, снова выжить дай мне,
и дотянуть до царствия весны...

...ушёл и я бы, чтоб сентябрь меня не
мучил...

Столкнулись лбами нынче ведро с
непогодью.

Хотел расстроиться. Опомнился: хотя,
чего я жду ещё? На улице-то вроде -
сентябрь...

Но мало радости, когда пришёл ретивый,
одевший в плащ и сапоги природу, гость-

-сезон, напомнивший: жизнь брэнна, в
перспективе -
погост...

И маршем траурным стучит по законью -
за разом раз - взгрустнувшей осени слеза.
И ясно: лета ждать назад (оно - покойник) -
нельзя...

Обмыв листвы усопшей мертвенную кожу
(обряд такой. Зачем же? Бес его пойми!),
настойкой луж ненастье правит дней
погожих
помин...

Как стопку тризны чёрным хлебом, кроют
тучи
собой стакан холодной водки бытия.

Ушёл бы (волю дайте!) чтоб сентябрь не
мучил -
и я...

...я не просил...

Ещё не скоро вихрям снежным
судьбу вершить.
Но подсознание межит вежды
у фибр души...

Пока что листья изумрудны,
не хладен дождь.
И отвыкать довольно трудно
от старых кож...

Лениво тащится подвода
страстей былых.
Худющий численник бьёт году
с плеча под дых...

Остолбенелою шеренгой
печали в ряд.
И золотые листья-деньги
шуршат зазря...

Промокшим щебетом стенают
хоры пичуг.
Допелась гвардия честная -
осталось чуть...

Эх, пережить бы осенённость
и зимнестъ сил!
Сентябрь.
Ужасно трудно в нём мне.

Я - не про-сил...

...игра в прятки...

мир законный осенью нарочит -
жёлтым багровым красным о том кричит
с этими сентяблями одна беда
хочется трын-травы а прёт лебеда
видится - речка из молока течёт
пробуешь пить - вода за литр пятачок
стал косогор как дед - узловат плешив
лес беспичужный только грибами жив
пыжится осень красками задарить
только высок на краску её тариф
плюнь разотри и краска уже сошла
а к ноябрю и вовсе - то тлен то шлак
нет мне по жизни осень постылый враг
я не куплюсь на строки шуршащих врак

мне бы зимы дожждаться очередной

спрячусь пока в коробке я...
...черепной...

...сентябрь на хвосте...

Растрещалась сорока.
У неё на хвосте
об осенних пороках
миллион новостей:
- что потребствует водку,
не считая сортов;
- ставит в метеосводку

пропаганду зонтов.

У меня побежали
мураши по спине -
знай, стрекошет, что жаль ей,
белобоке,
свиней:

поросята, хавроньи
и опростанный хряк -
пусть и живы сегодня,
но к концу ноября
путь закончат свой трудный -
без войны, без вины,
став трясущимся студнем,
либо шпигом свиным.

Разгласила идею
для округи для всей
про окрестных индеек,
да про местных гусей:
что уже накарябан
на опавших листьях
срок зашития яблок
в разных птичьих местах.

Мне сорока на шоу
предложила пройтись:
ставит осень дешёвый
ежегодный стриптиз -
в парке липы и клёны,

подчиняясь ветрам,
полонез оголённый
закрутили с утра.

Я отчёт папарацци
весь не смог донести,
что запомнил, то вкратце
поместил в этот стих.

Слушать стрёкот - морока.
Но новинкою тем
желтопрессной сороки -
стал сентябрь на хвосте.

...время сидра и настоек...

На дубу ворона с песней.
Жёлудь на голову - шмяк -
колорит осенний местный.
Ветви с шелестом шумят,
славя силу бога ветра,
что приветствует Борей.
Но и он любовью щедрый
к девкам голым по поре
бабьелетнего распутства:
заголяют тела -
и ветлы огарок куцый,
и черёмух палисад.

У сарая вдоль забора,
как солдаты на привал,
без ранжира, без разбора,
присоседились дрова.
Сентябрит. И косогоры
влагой мелкою кропят
монстры-тучи. Ждите вскоре
появления опят.
Стихли ласточек надрывы.
Стала снулой мошкара.
За деревней, пусть и криво -
копны строятся в парад.

В голове для пьяных мыслей
устаканены места.
От дождя усы обвисли.

Жди, не жди его - настал
месяц сидра и настоек.

Достаёт истошный глас!
"Сгинь, ворона, а не то я
тем же жёлудем, да в глаз!"

...не торгуюсь с октябрём...

Уже не только журавли,
курлыча, скрылись,
листву смахнув меж двух столиц

размахом крыльев -
мечты и вёрсты растеклись
осенней охрой.
А небеса пора стеклить -
земля не сохнет.
Прибилась пара жёлтых птиц
к окну снаружи -
их путь и мой пересеклись.
А мне не нужен
голодный писк, звенящий льдом
в предзимье стылом.
Мне радость, если я ведом
ордой стокрылой,
полёт стремящей в бурный май,
к родным пенатам.
Октябрь! Свой лот с торгов снимай.
Среди пернатых
предпочитаю птицу ту,
что в высь стремится.
И знай, я вовсе не пестун
твоим синицам...

...Вера, Надежда, Любовь...

Осенней слякоти размеренность.
Шуршанье мёртвой желтизны.
В ломбарде прошлого - уверенность.
Сданы в утиль цветные сны.

Из фраз исчезли междометия.
Набил оскомину сарказм.
Всё холодней прогнозы метео.

Из тела неба - туч миазм
дождит.
И струи перекрестием
видны в оконный окуляр.

Макает Землю осень-бестия
в чернила грязи, будто в кляр.

Во рту кислинка поминальная
вина антоновских плодов.
Холодной ночи темь летальная.

Сентябрь на нет сошёл,
но вновь -
тридцатый день -
пятно сусальное:

Надежда, Вера и Любовь!

...пусть...

Пусть стынет дождь бездомный на ветру,
Пусть небо тучи складывает в стопы,
С лица унынья плёнку ототру
И за порог - по лужам грязным топать.

Пускай дыряв и стар мой верный зонт,
Пускай промокну и схвачу ангину,
Но есть в прогулке этой свой резон:
Здесь вернисаж.
Осенние картины.

...осень рассыпала с почтой суму...

Осень рассыпала с почтой суму.
Адрес один на конвертах: из лета -
только обратный. Куда? И кому?
С этим вопросом не сплю до рассвета.

Письма из лета - горчинка во рту -
шорохом жёлтым покой атакуют.
Нить ностальгии я в песню вплету,
только найти бы мне песню такую...

Только найти бы мне песню. И я
нотами, рифмой заполню конверты.
Осень-почтарь тихо скажет, смеясь:
- Песня? Отправим. Главное - верь ты!

Снова посланья в облатке цветной
порастеряет из сумки. И рада:
сын её средний, октябрь разбитной,
глядя в исписанный лист с желтизной,
песню исполнит с шуршащей эстрады.

Письма, гонимые ветром, шуршат,
спать не дают и покой атакуют.
Строчки для песни рифмует душа.
Только найти бы мне песню такую...

...пьяно-осеннее...

Как прохладительный напиток -
я пью крюшонный воздух улиц,
налив из самой середины
осенних будней - октября.

Беседка дня плющом увита,
но отмирающим и снулым,
а небо в сереньких гардинах -
противных, честно говоря.

Я от напитка стану пьяным
и, вопреки всему, замёрзну -
застолье осени не греет,
а заставляет цепенеть.

Земля, чтоб скрыть свои изъяны,
пред состояньем коматозным,
при соучастии Борея,
с деревьев сбрасывает медь.

Вовремячумный пир, до рвоты -
деревья - голые, я - пьяный,

плюс дикий подсвист воробьиный
с изподзаборного репья.

И даже в банную субботу
октябрь мне ближе вряд ли станет...

А я опять мешаю глину -
дымит дослѣзно печь моя...

...где гуляют дымы...

Где гуляют дымы над дворами,
где в распадке туман поутру,
песню грустную ветры играют,
забираясь в фарватеры труб...

Запинаясь на каждом колене,
(полость трубная крайне тесна!)
распевает мелодия-пленник:

что была здесь когда-то весна,

что не плакало небо тоскливо,
а струило живительность влаг,
что цвели абрикосы и сливы,
зелениями невестился злак...

Пролетая угольником птичьим
над заплатками стылых равнин,

ноты песни курлыкнули зычно:

что придут ещё светлые дни,

о которых не скажут:

"Промозгло!",-

зябко кутаясь в теплую шаль,

и раkitника тонкие розги

спеленает салатный шар.

Отмывая трезвучья от саж

в космах,

тяжких до морока,

туч,

песня слово последнее скажет

перед тем,

как её заметут,

настигая,

хвосты первоснежья,

о концертах ночных соловьёв...

И вздыхая тревожно о внешнем -

на полгода -

в прибежье своё...

...предзимье. регги...

городское небритое грязно-осеннее регги
в настроенье нахохленным улицам роль и
игра
дирижёром отнюдь не французский маэстро
легран
но и не потерявший работу булгаковский
регент
происходит публичное действо народно-
трамвайно
от его обнажённости запросто и онеметь
и оглохнуть октябрьски не слыша натужную
медь
ту что выдули лабухи с лысыми неголовами
грубых ветров наждак наточил по-
цирюльничьи бритву
иссkobлил по-парадному плеши угрюмых
торжеств

внутри трубы водосточной втекает
предзимняя жесьть
и готовится музыка стыть как строительный
битум...

...предзимье. реквием...

Заледенела листва сухая.
Конец предзимья всегда отчаян -
как цвета дёгтя полкружки чая
под лай овчарок и вертухаев...

В дыму сознания - скрипенье дровен
о снег, прошедший чистилищ горны.
Мечты о свете в приюте горнем
в процессе смены нетрезвой крови...
Височный дятел натрудит жилы,
пытаясь в череп вдолбить себя же...

Накроет землю пером лебяжьим,
пером холодным и жданно-лживым...

...ожиданческо-осеннее...

желтеющий осенью,
тучно сглотив,
примолк
мой город, готовый:
навек уморозить слякоть,
раскаявшись,
днем этой слякотью горько плакать,
глядясь в зазеркалье холодное луж-трюмо.

на каждом прохожем - предзимья уже
печать.
октябрьская мглистая тяжесть легла на
плечи.
от этой напасти себя кто как может лечит,
и чаще всего это средство отнюдь не чай.

мерещится мир законный больным, чужим,

а небо клокастое - будто шпион продажный.
подумать о светлом о чём-нибудь страшно
даже.

неужто ещё продолжается где-то жизнь?

ах да,

ведь прохожие есть, и печаль несут -
на спинах согбённых несут, и на кислых
лицах.

я долго ещё продолжал на природу
злиться...

...покуда ко мне не пришла...

...но не в этом суть!

...без ноября...

Ноябрь-подлец устроил всем бойкот,
не появившись средь московских улиц.
Под ледяным дождём деревья гнулись,
когда ноябрь в бега ушёл тайком...
Циклон с Балкан дороги замостил
крупой холодной манной дребедени -
зима закусит этим в день рожденья
холодный спирт осеннего "прости"...
Мечтал народ, что поболует всласть,
промокнув в грязной водно-снежной каше.
Ан, нет, давай работай и не кашляй,

забуди про ацетил салицилат!
Блестящая льдом внезапных перемен
стоят дома, деревья и заборы.
И непонятно - радость или горе
в том, что ноябрь так быстро отгремел.

Зима и так с прибытком в феврале,
и тут сезон осенний кратким вышел.

Зимы добавил, видно, кто-то свыше!
...а не синоптик местный, дуралей...

...кот. сон. ноябрь и снег...

И выпал первый,
настоящий первый снег.
Им упокоена ноябрьская душа.

А я готов был к белизне -
всю ночь во сне
моём -
мурлыкал белый кот.
И спать мешал.

Коту снежинки щекотали мокрый нос.
Он щурил глаз и,
будто трактор, стрекотал.
Отдельной жизнью
жил мохнатый метроном -

темп задающий снегу -
белый хвост кота.

Кот за ночь занял всё собой -
в размерах рос.
Сквозь дрему лапкой снегу:
сыпь скорей давай!

На полотенце двор похож -
хрустящ, махров -
есть даже вышивка -
торчащая трава.

Был славным сон!
Люблю котов. Немного жаль,
что в белый сон
скоропостижно слёг ноябрь.

Под утро толстым слоем
новый снег лежал.
Возможно, кто-то недоволен.
Но не я!

...мне в радость осень, взятая в полон...

Я, наконец, дождался белых мух.
Москва напоминает Колыму.
Невольна мысль моя о Колыме -
земля оделась утром в белый мех.

Зима, - бурчу тихонько я себе, -
для Колымы обычна, ясен пень.
Но, средь шуршанья, здешним ясным пням
чудно, что
белым
день - и сыт, и пьян.

Понятно было - скоро отболит
тоска по лету в хладости белил.
Снежинки в подтверждение - белят -
овраги, перелески и поля.

Приятно глазу - всё белым бело.
Мне в радость - осень, взятая в полон.
Одно тревожит - что недолог плен.
Снега растают завтра - s'il vous plait.

Вновь - сырость, грязь - осенний каземат.
Да, в октябре недолгая зима.

И втапываю в снег, как позумент,
всё что могу -
слова:
Ура зиме!

...в нашем городе ноябрь чего-то
скуксился...

В нашем городе метель почти по Пушкину.

Завывает, ноет ветер шумно крайне...
Бродит-ходит вьюга-сторож с колотушкой.
Острый холод небу в ночь вскрывает раны...

Источают раны неба лимфу снежную.
Календарик-диагност собрал анамнез:
трио месяцев холодных - неизбежное -
как в полёте без крыла паденье камнем.

В нашем городе ноябрь чего-то скуксился.
Бедный численник худел и был отрывист...
Скис ноябрь, замаринован будто в уксусе,
а житья ему - листок. И тот на выезд.

Ветер злостно рвёт с листов цифирь
бумажную.
Снег устелет простынёй земель ансамбли.
Длань зимы схоронит к утру осень заживо -
не указка ей с числом последним табель...

...постыло-тоскливое...

Короткий день свинцово у виска.
Застыли фразы в сонном карауле.
Паучья сеть - осенняя тоска.
В трясине луж веселье утонуло.

Ноябрьский лик - размытый. Никакой.
Порыв минутный - тучами зафлажен.

Своей небритой жёсткою щекой
злой ветер смазал улиц макияжи.

В окно - дождя неврастеничный блюз.
Напоен воздух водкой меланхолий.
К стеклу прилип листа пиковый туз.
И пустота. Как ночь в конце застолий.

Разъела губы обречённость-соль.
В аорте - тромб из горестной картечи.
Грызёт тоска, как пёс - большой мосол.

Сезон постылый - зимних дней предтеча...
...ноябрь не завершился, но...

Ещё не кончился ноябрь,
но утром рано
в окно своё увидел я:
земля без ранок -
покрыта белым полотном
в холодных искрах.

Ноябрь не завершился, но
уходит.
Быстро...

Заиндевели на ветру
слова и мысли.
Аккорды мокрых медных струн

в снегу закисло.
Холодный белый жгучий кляп
во рту валторны.
И впрямь зима! Ты только глянь!
Ноябрь покорно,
без противленья, сдался в плен
пурге-вояке -
она ему на ушко в «ля»
без всяких яких
три дня, три ночи напролёт
завывно пела.
Он был вначале удивлён,
казался смелым,
пытался дождиком размыть
снежинок веер,
но подчинился (вот ведь стыд!) -
зима резвее!

Снегов победное пятно
сквозь вечер мгlistый.

Ноябрь не завершился, но
уходит.
Быстро...

...ноябреска...

Чересполосица погод -
смесь попури из разносортц.

Штурмую лужи вкривь и в брод,
глотаю снег с дождём и морщась.

Сюжет пейзажа гол и сер.
Терпев недолго позолоту -
лесок соседний облысел,
шепнув: "А ну её в болото!"

Намокли остины жнивья
под душем из развёрстых хлябей.
Теперь услышать соловья
поможет разве что Алябьев.

На умирающей траве
кровинки склёванной рябины -
дрозды пытались порезвей
по лету справить пир поминок.

Противоречий сумма, чуб
на бритой плечи запорожца!
Молчу, но мысленно кричу:
«Как ненавижу я уродца

с названьем гаденьким – ноябрь!..
Ах, отчего же я не Цезарь
Гай Юлий! Вот тогда бы я б
к июлю месяц весь прирезал

на смех и радость февралю...»

Нет власти численник испортить...

По лужам вкривь и вновь рулю,
сквозь ассорти из пересортиц...

...ассоциативный вальс...

Время, которое вряд ли измерится сутками.
Всё перепутано: метры мешаются с дозами.
Тёплые полдни с холодными встретились
утрами.

Ухо не внемлет и приняло верхнее «до» за
«ми».

Клинья уносятся в небо форсажно и дюзово.
Крики пичужные вынести можно за
скобочку.

Чёрные ветры приходят с холодными
грузами.

И парашюты снежинок садятся на лоб и
чуб.

Листья вальсируют, значит за вальсом
последуют
шелест метёлки и запахи прело-шафранные.

Худо с добром передрались. Так надо. То -
кредо их.

Лету не выдали грамоту (снова!) охранную...

...осенне-зимнее ни о чём...

Вот, город привычно сочится...

А с Вами
случалось такое:

сквозь стёкла
и через ресницы
мерещится,
будто рукою
играет с домами,
накрыв покрывалом из сказочной тени,
природа...

Деревья,
бумажные, как оригами,
набухли, намокли...
И вот - накатила восторга беспечность,
и хочется петь,
пить вино...

В бесконечность
уходят прямые проспекты.
Как стрелы.

А осень лесок близлежащий раздела...

Дожди – беспрестанно.
Как будто бы вены
у туч
перерезал ноябрь. Вот негодник...

Стена. Календарь. А какое сегодня
число? Знать бы нужно...

Сквозь стены
трубы водосточной бурчанье – натужно...

Почти что законченный утренний очерк,
засыпан колючей снежащейся пудрой...
И осень на зиму меняет свой почерк.
Положено так. Мудро это? Не мудро?

Ответ не найти...
И придуман не нами
торжественно-мокрый
момент перехода
из слякоти
в свет, отражённый снегами...

И узел ответа завязан
на годы,
на эры,
столетья,

на губы, на плечи...

Пусть кто-то бормочет про чёт или нечет...

Затянута в тучи
фигуристость ночи,
совсем уже зимней,
раздеться – не хочет...

Я ставлю не точку,
а ряд многоточий...

...зима подкралась незаметно...

Зима подкралась незаметно
и растоптала снегом осень.
Та встать пыталась было. Тщетно:
листами – в снег. Дождями – оземь.
Дождями, тонкими как прутья,
удержит сердце ноябрёво?

Ноябрь – ведь сын зимы по сути,
и рад житью под хладным кровом.
Он дарит мачехе морозы
в прозрачной сумеречной плёнке.

А осень и в стихах, и в прозе
вернуть пытается ребёнка.

Земля, листва, снега – смешались,
то покрываясь коркой хрусткой,
то – чуткость к осени и жалость
явив,
слезьми потеют грустно...

Строкой в скрижаль вплетётся осень,
любви сыновней не изведав
от ноября...

Почивши в бозе.

Сын блудный
мачехиным пледом
прикроет мёрзлые останки...

Зима подкралась незаметно,
ледком стянув земные ранки.

Но до весны лечить их – тщетно...

...аве Мария поздней осени...

Осень поздняя. Тоска. Умирание.
Стыль. Промозглость пространства.
Ты присядь, Аве Марию наиграй мне.
Ту, что Шуберта. Франца.

Мы нырнём с тобою в омут мелодии
пряно-сладкой, тягучей.

Подсластим тоску. Полегче нам. Вроде и
беспросветность не мучит.

То ль дождями день промок, то ли плачется

-

слёзы вытереть просит.
Нелюбимое ноябрьское качество
вмиг сбивает на прозу.

Но мелодия заставила исподволь
внять осеннему плачу,
вдруг услышать колокольчиков чистый звон,
всё увидеть иначе.

Будто в плаче осень молится истово,
аки старец в Сарове:
«Дай нам, днесь, любви, Царица Пречистая,
да и землю укрой ей!

А молюсь впервые в этом сезоне я.
Ты неверье – прости мне.
Пожалей уже рабу свою сонную
перед смертью зимней...»

Ниспослав успокоенье, затихла песнь,
спрятав звуки в клавише.

Для себя больной ноябрь, растерявший
спесь,

яму мокрую вырыл...

ЗИМА

...усну...

Я на целую зиму усну беспробудно опять.
Даже мысли покроются инеем, будто бы
пледом,
чтоб не думать о яйцах лебяжьих от Зевса и
Леды.
И о том, сколько было их: три, или может
быть пять?
Обрасту бородой и усами, седыми уже.
А на плечи мои новый год ляжет бременем
гнёта
дней что будут, и то, если время как следует
пнёт их
к намечаемым: паводку, грозам, прилёту
стрижей.
Станет к марту мой мозг, как невеста -
невинным, нагим.

Всё рифмуя, бесстыдно весна приставать к
нему станет.

Ночи брачные с новой весной я бы пел
неустанно!

...и до сна теперь ноты коплю, чтоб хватило
на гимн...

...декабрь какой-то ныне...

маячат опахала голых крон...

повязкой грязной небо скрыли тучи...

декабрь какой-то ныне -
так же скучен,
как старый и почти бесхозный кров,

в котором,
возгласив: оревуар!,
видны в окно всё то же
те же лица...

и состоянье это
вечно длится...

...так длится чёрным
траура вуаль...

расхлябаны пути
во всех умах...
разбросаны конверты писем старых,
написанных кому-то кем-то даром
и не нашедших,
впрочем, как зима,
свой адрес,
адресата
и причал
в конце бесснежной мокрой канители...

а птицы догадались,
улетели...

...все до одной...

...как ангелы с плеча...

...виват зиме...

Красота-то какая, глянь-ка ты!
Хоть на пряник перенеси!
Стала инеем дымка слякоти -
кроны в белых хвостах лисиц.

В Оренбурге сегодня что ли мы?
На холодном листе стекла
заключены три магнолии

будто вязью. Стекло – как плат.

На другом – стрекоза отмучилась,
в паутиний попавши круг.
Даже ноги видны паучие!
Приходите смотреть, не вру!

Пёс соседский устал облаивать
каждый мимо идущий хруст,
семафорят в ночи глаза его,
мол, хозяин-то наш – не трус!

Заморозились как положено
озерки придорожных луж.
Ощуцаю нутром и кожей я,
что ещё поморозить дюж

развесенний декабрь. И далее
будет всё же у нас зима.

Ставим крест мы на аномалиях!

Всем одеться в тулупы!

Марш!

...из пустяков и истин...

утро какое!

нет, нет, не тронь!
всё, от ветвей до неба,
скрыто кружавчатым серебром,
как словесами небыль.
парк близлежащий - что твой ларец -
весь в нитяных узорах.
хочется взять их, в руках согреть,
жаль, что растают скоро.
кроны качают внезапный груз,
видно, что им приятна
мягкой зимы городская грусть
в этой глазури мятной.
утром природа спешит продать
небу и тучам мгlistым
сказку, что выткала в ночь вода
из пустяков и истин.
в сущности, это обычный снег,
только промок и склеен,
парк без таких покрывал грустней,
блёклы без них аллеи.

утро какое!
смотри, смотри!
выверни в детство душу -
это оттуда столь чистый крик.

правда?
не видишь?
...слушай...

...встреча с тенью...

Ленивый снег кружится плавно.
Лень снега высветил фонарь.
Фонарный луч – свидетель главный
того, что властвует январь.

Мороз закручивает гайки -
одну к одной. Ещё. Ещё!
Прохожий светит без утайки
кармином тёртых шерстью щёк.

Морозный воздух зрим. Он соткан
из мелких блёсток, игл и спиц.
По завещанью Блока – водки
в такой хрусталь бы влить, и пить,

но нос становится багровым
от вино-водочных утех.
Да и мигрень, а в полвторого
замки на входах у аптек.

В лицо рукою жестяною
и мне мороз нанёс удар.
Спешу в тепло. А за спиною
ночь шепчет:
«...улица, фонарь...»...

...утро-вечернее лесохождение...

Снег под подошвой мяукнул котёнком...
Лист запоздалый пронёсся зверьком...
Лес – карандашный эскиз на картонке -
Каждый штришок в нём до боли знаком...

Чванный орешник, как будто метёлку,
В снег запихнула старуха Яга...
Минус пятнадцать. Метельно и колко.
Змеи позёмки – как мысли врага...

Лес рассекается лунной секирой,
Тени набрали и чёткость, и рост...
Рухнувший дуб – укоризна для мира...
Ложь поляны – для лета погост...

Будто берлога заснувшего зверя -
В шляпе сугроба сгорбатился пенёк...

Полкилометра вдоль леса отмерив
Дважды на дню, как открытие Америк -
(тропкой лесной – сквозь инкогнито терра!) -
Утро-вечерне вдвоём – я и тень...

...как бы предновогоднее...

как в бутылке шампанское -
тучи декабрь разболтал,
влага вспенилась
и

завалила столицу собою.
эмчеэсом запуганный
город
стихией без боя
взят в полон,
и к венчанью
сведён на ледовый алтарь.
вот и новая тень
возле глаз у людей пролегла,
означая:
грядут -
может радости,
может и беды.
одержала зима над осеннею мглой победу,
и свинцово нависла теперь уже зимняя
мгла.
новогодний мандраж навевает
метели труба.
только - главное, чтоб -
оставались для праздника силы,
и злодейка-судьба
раньше времени чтоб не скосила,
а грядущая века
была бы не так уж груба...

...ночное бденье у окна. мороз. селена...

Какой насыщенный раствор
луны в морозе!

Царит в пространстве селенит.
И воздух жёлт.
Всё осязательнее родство
стихов и прозы.
Вот только брат-поэт ленив -
всё рифмой жжет.
Ворча, прервал свой вечный сон
несчастный Гоголь.
Он, птицу-тройку костеря,
слетел с конька.
Ущербный месяц в горизонт
воткнулся рогом,
пролив на саван пустыря
ночной канкан.
Зашевелились, жажда спеть,
немые тени.
Крутя недвижимый полонез,
сошлись кусты.
Глотнув полёта неуспех,
познав паденье,
разрезал кромку поля лес,
и там застыл.
Распластан птицей без крыла
безбрежный панцирь -
снега слетевшие слились
в паркетный наст.
Вкруг лунный бал. Минорен лад
ночного танца -
всё это высветила блиц

селены масть.

Туманен взор. В глазах песок
полночной дрёмы.

Ожог декабрь своими иг-
лами нутро.

Пора идти. А взгляд присох
к окну.

Огромен
мир зааконный.

Но на миг
мне вверил трон...

...memento...

январским утром мороз на свете
а вокруг решётки из веток голых
такое время
не до эстетик
тепла одежда
да мысли колом
спешу
и вздута сеть вен яремных
добавить прыти – разрыв аорты
и то заметил что на тюремный
похож немного наш зимний двор-то
сегодня вырвусь из-под ареста
возьму нахрапом зимы ворота
как знать что дале -

ведь жизни крест-то
кладёт на спины нам свыше кто-то
дождаться вот бы порывов вешних
тогда быть может свободы голод
унять помогут цветы черешни
и грозы мая
что небо колют

добрёл до лета - ты жив курилка
глядишь и пятки оближет море

стучится дятлом в моём затылке
пульс пониманья:
memento mori...

...на Николу выпал снег...

На Николу выпал снег наконец.
Всё седое, как святого борода.
Я доволен и теперь на коне.
Просто - осень не любил я никогда.

Да какая тут любовь? И за что?
У небес слезами выело глаза.
Не выглядывало солнце из-за штор.
И из дома не хотелось вылезать.

Коленкор теперь другой. Снегу - трон!
Я по снегу смог бы даже босиком,

если б, правда, не товарищ артроз,
повезло тому, кто с ним не знаком.

А бывало, как пойду гужевать!
Вишни губ, и щёк морозных снегири -
все мои! Подруг когорта жива ль?
Да и я... Всё синим пламенем гори!

Заметает. На дворе - круть и верть.
Щиплют пальцы клювом птицы декабря.
Мне приятно, и готов я терпеть
эти выходки три месяца подряд.

Но к апрелю и зима надоест!
И поля возжаждут вспаханных борозд
(жажда эта в холода тоже есть,
и не только у полей!)
Виват, мороз!

...февраль и немного эротично...

Скоро весна, а февраль упирается -
сильно морозит. Но солнца - завал!
Если б не снег, то вокруг - будто рая сад,
змей будто Еве здесь фрукты давал.
Холодом схвачены райские яблони,
вряд ли смородина будет. Как жаль!
Без витаминов и крайне ослабленным
всем нам придётся на пляже лежать,

и заставлять себя силами слабыми
тело подставить под плазменный нимб,
на предложение:»А может, по бабам мы?», -
крайне устало ответить:»Ни-ни!»
Бродит котяра, от солнца шалеющий,
не понимая февральской игры.
Рыжий, терпи! Только пара недель ещё.
Станешь кумиром подвалов и крыш!
Утренне вяло, но по нарастающей
копит потенцию солнечный горб.
Сила светимости, в общем-то, та ещё,
но и такую восток алый горд.
«Боже! Скорей бы!», - из пастей и ротиков
слышится страстный весенний призыв.
Страждущим мартовской бурной эротики,
пусть утешительно (пусть! Но ведь всё-
таки!) -
выслал февраль солнцелучно призы.

ТРЕТЬЯ ГРАНЬ

...стихи без морали...

Отстала птица, зовам вопреки,
и голос клина медленно растаял.
Канва сюжета лапотно проста, и -
узор не гладью - вкрест, да от руки...

Прожить одной всю зиму - не крюшон,
а самогон, с какого глотка сохнет.
Кричать бы ей на птичьем громко: "Ох!
Нет!", -
да только к zobу крик не подошёл...
Застынут крылья, вмёрзнет в тело боль,
загонит голод мысль живую в угол...

Случалось многим выть сильнее белуги
лишь для того,
чтоб только
быть
собой...

...ни отдать, ни постигнуть...

стало ветру словесному
очень привычно
болтать
ослабевшую мачту
пока ещё общего
флага
и теперь истекает
терпенье
обильною влагой
на
когда-то
совместными жертвами
полный

алтарь
пролегли по-паучьи
втихую
морщины у глаз
и простое
запуталось в сложном
как золото в меди
а трамвайная сцепка
привычно пока ещё
едет
с перезвонами частыми
возле любого угла
ни отдать
ни содрать
словно кожу
последних рубрах -
их как вовсе и нет -
друг для друга
таких
не случилось
и горчит
какофонией
строк
не достигнувший силы
вполовину написанный
брошенный нами
сонет...

...дом у дороги...

дом у шоссе
так коряв и крив
словно он пьющий леший
в челюстях окон побитых
крик
вылететь не сумевший
страшен забора щербатый рот
полный чертополоха
лик тишины по-библейски строг
впору рыдать
оглохнув
помня о мире
что был красив
глядя назад в полвека
есть лишь картинки таких росий
в памяти человеков
где заполошно кипела жизнь
и на полях и в люльках
где в небесах голубых стрижи
где сенокос июльский
кадры из жизни засыпал снег
только вот у дороги
маются в сером извечном сне
сонмища изб убогих
дом перекошенный
хмур и сед
ловит дырявой крышей
будто бы ртом
как пацан-сосед

с крон переросших
вишни

...предутренность...

Вложив монетку в ладонь печали,
ночная птица, отпев, стихает.
Отдаст швартовы
рука сухая
вселенской скорби,
и ночь отчалит.
Пройдётся красным по глади кровель
арбузно-свежий востока ломтик.
Проснутся окна.
Зевотно.
Ломко.
Прохожий первый насупит брови.
Ещё не люди, а миражи мы.
Стать кровью, плотью нас день обяжет.

Ну а пока что, забыв себя же,
живём в себе же, собой и живы...

...полоса пустотной тишины...

Такая тишина - хоть волком вой.
Густой истошный взрыд раздавит плечи,
засветятся глаза с янтарною каймой,
и станет ясно: шлях чумацкий - млечен.

Такая полоса - черней, чем тушь.
И если это ад, то вправду сущий.
Стоять - затянет в зыбь,
шагнуть через черту -
поддаться тёмной лжи гадальной гущи.

Такая пустота - хоть гвозди гни -
прочней корунда вакуум льдистой глыбы.
Но виден через тьму, и тянет, как магнит,
поблекший свет извечного "могли бы"...

Такая тишина - хоть волком вой,
хоть дуй на молоко Пути натужно.

Но белый свет пока не знает никого,
кто дважды смог войти бы в воду ту же...

...каждый рано или поздно (ковидное)...

Такая тишина - хоть волком вой.
Густой истошный взрыд раздавит плечи,
засветятся глаза с янтарною каймой,
и станет ясно: шлях чумацкий - млечен.

Такая полоса - черней, чем тушь.
И если это ад, то вправду сущий.
Стоять - затянет в зыбь,
шагнуть через черту -
поддаться тёмной лжи гадальной гущи.

Такая пустота - хоть гвозди гни -
прочней корунда вакуум льдистой глыбы.
Но виден через тьму, и тянет, как магнит,
поблекший свет извечного "могли бы"...

Такая тишина - хоть волком вой,
хоть дуй на молоко Пути натужно.

Но белый свет пока не знает никого,
кто дважды смог войти бы в воду ту же...

...дееНЕпричастное...

Я - купцом-инородцем, привезшим
чужбинный товар,
постоянно гадающим: "Столько ли? Так ли?
А сдюжу ли?" -
отдаю тебе в розницу, оптом - по капле, по
дюжине
самому непонятные, в звучной облатке,
слова.
Зная, что не поверишь, и сам в это веря с
трудом,
всё пытаюсь свести несводимые щупальца
доводов,
удлиняя на эры немыслимо длинные проводы.
Даже лишние слёзы с ресниц осыпаются
льдом.
Словно два каторжанина, терпящих дальний

этап,
мы на время пути кандалами едиными
связаны -
обожай, ненавидь, привыкай - вы с
напарником разные,
будто аверс и реверс, да только один ваш
пятак.
Перекручены ночи, бессонниц тягучих не
счесть,
ведь не вытравить с корнем рефлексy
подкорочно-дерзкие -
(как не вытравил Никон крещение тела
двуперстное)
чуять ласковость кожи твоей на затекшем
плече.
Постою, затянусь, поделюсь с местным
ветром дымком -
- сизой птицей сольётся он с далями
ультрамаринными
(в этих далях есть то, что ни разу не
обговорили мы),
и пойду, унося нераспроданный свой
лексикон...

...в сотый раз об одном и том же...

под вечер тени сказочно длинны,
и шёпот листьев чётче слышен, внятней...
размазал ветер солнечные пятна

по плюшу крон, готовых видеть сны...
придут виденья в парки и сады,
час бенефиса их всё ближе, ближе...
окошки - сумрак, будто пёс, оближет
и на луну споёт на все лады.
а по дворам чернявым казаком
поскачет ночь своим привычным кругом...
затихнет мир, а с ним возня и ругань,
и воцарятся благодать и закон.
поднявшись, тени встанут у дверей
на страже тайн ночного поля брани,
следить, чтоб тайны, никого не рая,
на дно подушек канули скорей...
глядь, солнца луч, застрявший в бороде
востока
волос розовый прорежет,
а новый день попробует прилежно
в ушко надежд канат мечты продеть...

...Все мы немного...

Если вместе сложить всех намерений
красные флаги,
то по ним можно будет ходить от истома к
истоме,
по дороге встречая песком занесённое
благо,
пересохшие русла, где сложность струилась
к простому.

А потом, пересев на больную от скрипа
телегу,
путешествуя, трижды забыв теорему
Бернулли,
вырвав вожжи у остроколенного стайера-
бега,
крикнув: "Йехуу!", - так громко, чтоб дюны, и
те обернулись,
ускакать ипподромно из крашеной золотом
клетки,
вмять оковой колёс два гектара площадных
панелей...

Накатавшись по блюду свобод переспелой
ранеткой,
вдруг понять, что во многом ты лошадь на
самом-то деле.

Просто конюх сменял твои шоры на жуткое
пойло,
и взнуздать не сумел, и совсем позабыл о
подпруге.
Испугал тебя шорох внезапно-мышинный под
стойлом.
Ты на волю бы вроде,
а сам -
всё по кругу, по кругу...

...глупый ниочёмный стишок...

в этом тексте, в самом деле,
нет ни лоций, ни причала.
муза что-то замолчала,
но зато пришёл емея:
по шоссе сосала саша,
окуная сушки в рислинг.
у людмилы грудь обвисла
и руслан в гробу не краше.
бьются мышцы в паранойе
над дырой бесплатной в сыре.
кай у герды вечность стырил
и уплыл в ковчеге с ноем.
пишет пасквиль на паскале
на паскаля а.сальери.
в бога ангелы не верят
и вставные зубы скалят.
чебурашка курит трубку
в сапогах из крокодила.
у свечей в паникадилах
отчего-то запах трупный.
грека греку переехал
в споре: кто же цапнет рака?
от травы дрова до драки
докатались. вот ведь смеху!
выбирал барак барака -
много шума, с проком туго.
на карибах грузят уголь,
чтоб отапливать каракас.
с мыслью: "всё, хана кларнету!", -

карл ощупывал кораллы.

ни о чём стишок, не врал я!

где мораль, где клара?

...нету...

...никто не в курсе...

воздух с утра как в больнице - стерильно
чист

ешь его пей ли

даже

ты им лечись

запах его амареттен - точь в точь миндаль

выпьешь со сна такого - и пьян всегда

на приключенья естественно повлечёт

эх по-кольцовски влёт раззудись плечо

с миром окрестным подружимся в прах и

дым

хрен ли делить нам кроме своей беды

а вот беды-то как раз никому не дам

мне самому подруга беда всегда

я с ней звеню пятаками своей души

можно

поплакать с нею и погрешить

в койку одну как стемнеет по-свойски лечь

но и беда не в курсе

...в шкафу - скелет...

...как однажды желает знать...

Растаяло семицветье. А что взамен?
Охотнику легче. Добыча его - фазан.
Поймает. Сменяет радугу он на медь.
Мне поиск и мена претят. Не люблю базар.
Недолго фанфары пели в плену десниц.
Блеск золота самоварного тускло смолк.
Расплав оловянный зиму не обвеснит.
И дым невозможно к трубе привязать
тесьюмой.

Всё просто и скучно: вчуже не возжелай.
Забудешь об этом, и нате: привет, Содом!
Кефаль ненавидит твердое дно шаланд.
А рай шалашовый навряд ли сойдёт за дом.
Поваренной солью плавить нельзя ледник -
жизни отнимет в долине рассол у чинар.

И всё-таки пресно, безвкусно почти, в дни,
когда Жак-звонарь не ломает нигде
фонарь...

...сослагательная хотелка...

...сунуть голову в снег и как северный
страус уснуть,

и приснить себе сон, где совсем не полярное
лето
разливает росу в руки утренних трав-
тарталеток,
а озёрная гладь прячет в омуте рыбью
казну.

я, зажатый зимой, как заборным штакетом
щенок,
дали волю бы мне, снёс бы к чёрту четыре
пролёта
февраля-коротышки, и путь мой к свободе
пролёг бы,
заструились ручьи б, как прозрачные змеи у
ног...

...от прорыва плотин до прорыва такого же -
век...

чтобы век скоротать, стрелки двигать готов
я руками,
но вселился в меня целлюлозный столбняк
оригами -
ни часы подвести, ни поднять даже
собственных век.

...тезисы...

ночь распороть, нутро её вдрызг
расхристывать;
крови ночной налить на пороге дня;
штурмом пойти, осадой, и снова приступом;

бросить в огонь, поднять, отнять у огня;
яду смешать с шампанским;
на месяц соло выть -
песню замёрзшую пьяной удалю греть;
взять, и простив, отсечь повинные головы;
не отпустить отмоленный утром грех;
дрожи в лицо крикнуть: отнюдь я не тварь
её;
вновь растопить движением рук ледник;
пряные сутки пить, как ведьмино варево;

мелом закрасить раны;
и склеить нимб...

...недопарусноалое...

Казалось бы - вот он сюжет! И внимай. И
твори.
Но знаю - банальными рифмами мне не
согреть
порывов, что требуют алых атласных ветрил
и внутренней смены себя. Но пока я не
Грей.
Пока не дорос. Мне мешает слежавшийся
наст
уклада, привычек. Понятья: уже не игра.
Обидится Грин за сто двадцать второй
пересказ,
а я не хотел бы обиды его ни на гран.

В капкане двоякости сложно. Недвижно.
Больней
осознанность - будто на мокром песке
затоптал
ты лёгкую поступь шагов, убеждённых
вполне:
появится парус вдали.
Будет парус тот ал...

...метаморфозы...

больно мне душу, как будто она на дыбе,
лучше б её отравили каким-то газом...
а на сетчатке следы от твоих улыбок
пляшут канкан и не сбились ещё ни разу...
мы разучили большие не в меру роли,
кутаясь в них, побрели по годам на ощупь.
груз реквизита: из шляпы ушастый кролик,
дудка факира, цыплёнок, который - в ощи...
ты из ребра перешла постепенно в глину,
коркою стала любовь - постоянно сохла...
рад (коли сотни фальшивы) теперь алтыну.

трещины в стенах замазаны красной охрой...

...не - я...

Ещё совсем не прожитá
моя убогая никчемность.

Не в масть мне культовый "Житан"...
Не мною Тайсон с правой в челюсть...
Не изобрёл я телефон...
Как Ричи Блэкмор рок не жарю...
У Робинзона был Дэфо...
Не я - у "Девочки на шаре"...
Не бил я гвозди в стопы блох,
а с Сиануком красных кхмеров...
Как сомелье - я просто лох,
как стихотворец - лох без меры...
Не строил домен,
про мартен
мне только дикторы читали...
Не посылал меня в Артек
за достижения в школе Сталин...

Весьма посредственный болван,
о ком потом никто не вспомнит -
ни желтопрессная молва,
ни энциклопедичный томик...

А ведь не кончилась ещё
моя никчемная убогость.
Кому бы выставить мне счёт
к меню "не - я...",
раз мог так много?

...самнезнаючём...

А на ухе неба луна как клипса -
светит близко-близко - рукой коснись.
Я достать пытался, но нет, ошибся -
на фасаде ночи сломал карниз.

Мишурой рассветной восток расцвечен.
Перед ним природа простёрлась ниц.
Прогрызает солнце у ночи печень.
Солнце - победитель дуэли-блиц.

Смешан запах мяты и дух корицы.
Стал гекзаметричным рассвета слог.
Экс - приставка ночи. А утра - вице.
Ассорти из званий при change of clock.

Разлетятся в брызги ночные блики.
Ноты серенады стираю с губ.
Стал коричный запах острей гвоздики...
В ране ночи - солнца блестящий зуб.

В боевой раскраске наступит вечер,
отнимая выпел зари у дня...

Я упал с карниза. Не изувечен,
но ладони сильно теперь саднят...

...утром, среди бегоний...

В "си"?
Или в "до"?
Тема слышна едва.
Я позову скрипача, если хочешь.
По мановенью смычка среди ночи
жилы воловььи будут нам петь вальс.
А на плечо правое (нет, не блеф!)
к старцу сойдёт, сморщенный от болезней,
ангел седой (да и весьма облезлый),
в крылья вобрав плечи, как будто в плед.
Музыкой смыв дюжины две грехов,
лабух пойдёт, спрятав в карман
законный
свой гонорар.

Утром,
среди бегоний,
мы разглядим

...про любовь...

Как-то...
всё под откос:
пропил гусли Садко;
бочку сжёг Диоген;
Элли душит Гингем;
топчут курв петухи;
Митьку рвёт от ухи;
бросил кум судака;

не в Париже Дакар;
хряк покрыл кобеля;
Даньке мстит Копелян;
бьёт Изольду Тристан;
стал водою кристалл;
принял яду Кашей;
М.Левински...вообще...;
в декабре - день сурка;
жаждет палец курка,
а свинца организм...

Я люблю тебя, жизнь!!!

...казанное...

Ночью снилась мне белая лошадь.
По приметам народным - к вестям.

Может киллер меня уколошит,
окуляром на солнце блестя?

Отнесут меня в тихое место,
с, в общем, странным названьем - погост.
Оселят там знаменем крестным
и заруют.

Потом:

скажут тост;
выпьют дружно по чарке "столичной";
ковырнут в липкой каше изюм;

в лоб и плечи щепоткой потычут.
Кто-то пустит, наверно, слезу.
И домой на поминки попилят.
Там компот и солянки казан.

Отчего не приснился мне киллер?
Эту лошадь ему б заказал!

...ленивый бред, морозный вечер...

Хотя морозная грызня
уже достала,
но стала странною жизнь -
как шпиг без сала.
Все планы в прах, и вмёрзли в грунт
забои стрелок.
Утоп, дышать мешавший, груз
на дне тарелок,
которых больше - оттого,
что делать неча.
Тягуч и маслян, как тавот,
морозный вечер.
Принёс пузырь сосед-молчун,
уже поддатый,
он лыс совсем, роскошный чуб
давно когда-то
оставил в наволочках - там
где ночевалось.
Пить я не стал - мне б полетать,

пусть даже малость!
Но столбик красный выдаёт:
мороз в столице!
Какой тут, к бабушке, полёт?
Пожалте бриться:
взлетишь немного - и капут,
отмёрзли крылья.
Какой бескрылому-то путь,
с одним лишь рылом?
С которым - ни в калашный ряд,
ни к божьей свечке,
где дядьки толстые шустрят,
нагрев местечки,
а только, разве, на завод,
где пилят чушки
из разной стали сортовой...
Мелю тут чушь я.
А, между прочим, за окном -
мороз с метелью.
Забиться что ль бескрылым сном
на всю неделю?
Но спать неделями нельзя -
не хватит духа.

Пойду летать. Знать, мне стезя -
взлететь и рухнуть...

...бубликиада (по мотивам)...

(уже в который раз подряд
тону, не встретив в осень брода...
А мне навязчиво твердят:
"...погоды нет плохой в природе...")

Октябрь.
С природой мрачной вместе я
ссыпаю жизнь свою до рублика.
И вновь напишет Шура-бестия:
"...у нас опять скончался Бубликов..."

В такие дни - племянник лени я,
и не прельщают взор кудесницы,
что мельтешат всегда коленями,
взбираясь лёгонько по лестнице.

Асфальт желтеет под мелодию,
что, мол, плохих погод в природе нет.

Ба!
Как красив на некрологе я!
А в зеркалах - не я. Пародия.

Конфузный ступор местной публики.
Оркестр от шока целый такт соврал.

А я - листвою опавший Бубликов -
Петром в полсотый раз не пущен в рай.

Коллеги сдали по полтиннику.

Я занесён в графу потери и -

пузырь потеет в холодильнике.

А Шура - вовсе - в бухгалтерии.

...ветренное...

Ветер птицей взлетел над дорогой,

предчувствуя расстани,

закрутил как в рулетке мечту, только
выпало — ноль-зеро.

Обещанья и клятвы забыты, покрылись
коростою.

Я за ветром! В тщету перемен! Может
вытяну козыря?

Разгулялся ветрище. Заухал по трубам, по
медным он,

разъерошил вершины дубов, заиграл не со
злобою.

И приветил меня, как знакомого, странною
метою -

прицепил мне на волосы нить, повязав по-
особому.

Утешаю себя золотою лозой виноградною

и беседую с ветром о времени, с коим не
справиться.
Только скучно ему. Ты лети непоседа мой,
ладно. Я
посижу ещё чуть на дорожку.
Мне воздух здесь нравится...

...врасплох...

Гремело так, что не дохнётся.
Сверкало так, что лес был рыжим,
как будто струи лили хну...
А мне хотелось - просто выжить.

Деревья плакали навзрыд,
перекрывая ветра голос.
А небеса, за взрывом взрыв,
казалось - просто раскололись.

Перемешались: верх и низ,
и, с корнем вырванные, ели.
Такое в страшном сне приснись,
и то - поверишь еле-еле...

Танцуют сполохи огня.
Поют редеющие кроны.
А дирижёр, судьбу кланя,
свернулся в позу эмбриона...

Уже практически оглох.
И скрючил страх немые члены.
Навряд ли хуже быть могло.
Как вдруг - затихло всё мгновенно.

Не сразу это осознав,
прижатый к глинистому комлю,
из подсознательного сна
я громко крикнул лесу:
"Во,
мля-аааа!"

Бросает в небо горсть зарниц,
восток накрывшее, ненастье.
Сегодня путь домой тернист,
по правде если, то - ужасен...

Вновь - тишина.
Как мёртвый - мир.
И лес (уже от зорьки) - рыжий.
Я грязен, мокр.
Но, чёрт возьми,
плевать на это!
Я же - выжил!

...посмотри (зубозаговорное)...

Посмотри какой мистический закат -
будто вылили малиновый сироп

и размазали по Западу слегка...
А похоже - на всамделишную кровь...

Посмотри - луна похожа на пятак,
украшающий небесной тверди жечь.
Представляется: достать-то может всяк!
А попробуй-ка на небо взять - и влезть?!

Посмотри - звезда упала. Ржав был гвоздь,
на который прикрепляется звезда?
Так упала быстро, что не удалось
даже четверти желанья загадать...

Посмотри - пусты Медведиц двух ковши.
Без догляда - убежало молоко.
Путь Молочный весь - и вдоль, и вглубь, и
вширь!
Он (быть может?) для медведя стал влеком?

Посмотри на кромку Юга - виден Марс.
Говорят, так не был близок он давно.
Весь горит?
Так то - от близости пожар!
И пожар, заметь, не гаснущий всю ночь!

Посмотри - плотней и гуще стал туман!
До утра - найдётся ль нужная межа,
по которой разойдёмся по домам?

Нет!
Придётся нам в стогу всю ночь лежать!

...можно, но...

Можно дымить махрой,
можно потряхнуть вихром,
можно ботинок хром
вылизать до сиянья...
Можно расставить сеть,
штурмом взять Баязет,
можно уснуть в овсе -
милая, до свиданья!

В лёгких вот только хрип,
лысый уже, как гриб...
Неба не облагрить
всей полнотой желаний.
Инь разругался с Янь -
то и другое — я.
В общем, куда ни глянь -
эга кривые длани.

Вместе с людьми и мной
вертится шар земной.
Я, как библейский Ной,
строю барак ковчега.
Мной разгорожен трюм -
кельи в нём раздарю

и без "благодарю" -
парочкам для ночлега...

Можно напиться в дым.
Можно не звать беды,
быть всегда молодым
холмиком за оградой.
Нагородить словес,
чтоб приумножить вес.
С ядом в зубах иль без -
все мы немного гады.

Минос был просто — бык.
В Спарте — сильны рабы.
Вечер. Закат губы -
что-то не так сложилось.
Переоценка фраз.
Склад лесопилки — глаз.
Сколько струну не гладь -
лопнет — как плеть по жилам...

...ночной пикник...

Одиноким наездником лунным
в город каменный въехала ночь,
бросив тень от ограды чугуновой
на асфальт.
Будто арфовы струны -
эта тень меж громад серо-блочных.

Барбекю из седого тумана
жарит ночь на белёсом огне.
Шампуры - это башенки кранов,
голорёберных птиц-великанов.
Печь -
сеть трещин на серой стене.

На пикник собираются гости -
сотни страхов и более ночных.
Чтобы выпить настоек из злости,
чтоб погрызть безысходности кости,
чтоб на души игру учинить...

О светильник луны оловянный
разбивается снов мошкара.
А внизу - и азартно, и прямо
в карты режется стая из пьяных.
На кону - чьих-то душ баккара...

В кутеже разошедшись угарном,
загнусавят гуляки вразлад:
словно воют собаки на псарне -
полоумно, безнотно, бездарно...

И бесплотно к утру улетят...

Штык мигрени от края до края
мозг буравит - горяч и свинцов...

Сонм проигранных душ, догорая,
не достигнув ни ада, ни рая,
испаряется, пряча лицо...

...капище...

Хлопья серого пепла на поле обрыдлого
капища,
где двухпалубный идол весь в тлеющих
язвах углём.
Из намерений благостных тропка до
местного кладбища -
замусоленных радуг и падших с небес
журавлей.

Заскорузлые тени у ртов и круги под
глазницами -
след мигреней от боя секунд в заунывной
тиши.
Все подходы к молельне усыпаны крупной
грибницею
неприжившихся праздников, флаг для
которых не сшит.

Предсказуемость мер и весов. Децибеллы
схоластики.
Оглошенность тоннами мусора сказанных
слов.
Расцарапаны лица, оторваны полы и

хлястики
в перекрёстной борьбе за охоту и крупный
улов.

Индевеют рубцы от побед, до изжоги
засаленных...
Не проходит усталость от штопки истёртых
надежд...
Не разложен пасьянс, где две масти -
неверно и правильно...
Не усвоено правило: больше чем нужно - не
съешь...

Раскосмачена вилами ветра трава
переложная.
Под трясиною скрылись намётки
нехоженных троп...

Вероятность насильно объять и схватить
невозможное -
как удар метеора в подставленный космосу
лоб...

...ностальжи...

Улыбаются девочки кривенько.
А в ответ им мальчишечки косенько.
Дружно выбежим мы под ливень-то!

В лужах пятки намочим босеньки.
Заведём ручейков процессию,

взявшись за руки. Пàрами, пàрами...
Будем принцами и принцессами!

Мы не будем! Не будем старыми!

...апельсиновое...

Как же битум стабильности вязок! О, Боже!
Как нарыв его вскрою. Открою я дверь
и:
Апельсиновый запах феерии!
Апельсиновый лёд мне на кожу...

Я в галёрке. Билеты все проданы в ложу.
Рампы свет. Предвкушение мистерии.
Кверху вздёрнута с чайкой материя.
Апельсиновый цвет наслаждения! Дожил!

Плётку затхлости смою и вмиг уничтожу!
Приговор выношу ей один: "К высшей
мере!"
К чёрту - чёрное! К чёрту и серое!
Взвился мир апельсиново, выдернув вожжи!

Апельсиновый сок мне за стойкой
предложат.

Смою соль и гармонию мыслей поверю.
Апельсиновый смысл у материи.
Апельсиновый вкус пониманья. До дрожи.

Прорываю стабильности вязкость как нож я.
Мир - неплоский. Увижу - он вздуется
сферой

и:

Апельсиновый запах феерии!
Апельсиновый лёд мне на кожу...

...круговорот...

Раскосматилась хмарь панически,
намокают плащи и локоны.
Отсырели мирки и личности,
что не спрятались в белые коконы.

Влажен горб у моста Калинова -
стал опасным для добрых молодцев.
И они, с разговорами длинными,
в парикмахерской бреются-холятся.

Разбухают плетни с заборами.
Заливает просторные подполы.
Пескарям умудрённым - здорово.
Словно куры намокшие - соколы...

Все завалинки мхом подёрнулись.

Поплыла шелуха от лавочек.
Постным маслом облитые морды лиц
острым глазом фиксируют бабочек...

Ловит бабочек, рвущих коконы,
тварь, чьи ноги так любит Франция.
Исчезают мирки и локоны
на облитой дождём дистанции...

...но вода не горит...

Мир бесстрастно велик...
Но учили нас,
что
многолик он...

И большая Земля -
не на панцирях
трёх черепах,

не сестра она плоским,
волной отшлифованным,
плитам.

И совсем не изведано то,
что в людских черепах.

Многозвучье несказанных слов
ждёт не сыгранной

НОТЫ...

Многоличье вокруг -
а в глазах
одинокая -
Вы...

Сев на самый простой,
осмолённый живицею
плотик,

к Вам, не смея признаться,
так быстро
смертельно привык...

Ощуцаю под пальцами пульс
на запястьях тонких.

(В километрах ли дело? В движение?
В бегущих часах?) -

время сжалось,
устроив регату.
Наш плот, как на гонках.

Цепко память схватила искринки
воды в волосах...

Кто из нас будет Лисом?

Кто Принцем?
Не ведаю
сам я:
приручившему важно держать
полновесный ответ...

А в глазах - только Вы -
с разыскрившимися
волосами...

И от искр на воде
будто
пламени красного
след...

Но вода не горит
в акватории
круглой
планеты... (?)

Слышу в шорохе волн
саркастически краткое:
"Нет!" ...

...канцона а ля Вертинский...

Лимонный вкус у серо-сизой хмари.
Хмари.
Я пью печали горько-кислый сок.

О мол волна шипучая ударит.
В хмари.
А думается мне - свинец в висок.

Сбежало лето. Скошен ситец луга.
Луга.
Застелен медью клённой мокрый плёс.
Я пьян и плачу, будто брошен другом.
Другом.
Мешаю с солью моря соль из слёз.

Промочит дождь больные крики чаек.
Чаек.
Присядут тучи на пустынный пляж.
Как росчерк перьев - клинья птичих стаяк.
Стаяк.
Наводит осень грустный макияж.

Лимонный вкус у серо-сизой хмари.
Хмари.
Я пью печали горько-кислый сок.
О мол волна шипучая ударит.
В хмари.
А думается мне - свинец в висок..

...почти ни о чём...

Устав от вечных пошлости и злости,
Бросаю груз надуманных утех.

Сознание жгу, как хлипкий, шаткий мостик,
Чтоб из астрала не найти путей.

Мир информацией оклеен, как газетой.
А мне б начал исписанный листок!
Во глубине подкорки серой где-то
Лежит рефлекс с заданием. И срок.

Раздел, где души чистые скопились.
Неведом им пороков злых налёт.
НовЫ. И тел ещё не причастились.
Скрывая страх, ждут возгласа: "Вперёд!".

Средь крупных букв заглавного раздела
Те, кто бывал. Их давит и гнетёт
Груз прошлых лет, разрыв души и тела...
Но и они готовятся в полёт.

Тут теоремы. Даже аксиомы.
Дискриминант. И рядышком Виет.
Клодт. Фальконе. Раскланиваюсь с Омом.
Свобода здесь. И стан её раздет.

Вот нотный стан: Мазепа и Отелло,
Аве Мария... Шуберт... Слёзы, дрожь.
Гитара тонко «Child in time» пропела...
Июль над полем. Шишкинская «Рожь»...

Понять хочу кривой язык Эзопа,

А вижу злого Гения язык.
Холеру лечат семенем укропа...
Белок - с шальнОй кометы к нам проник...

И ощущая запись на подкорке,
(Ведь я зачем-то вклинился в астрал?)
Узрел: мир ТАК нуждается в уборке!
Три эры пыль никто тут не стирал...

Чтоб разобраться: (зёрна ли, плевелы?),
Причину вскрыть истока всех начал,
Я в сад влетел, где фрукты дама ела.
«ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!», - я
вскричал...

...кома...

Опрокинутое небо
.....в перевёрнутой ладошке.
Перевёрнутые звёзды
.....в опрокинутой горсти.
Мне немного надо. Мне бы
.....не скребли бы только кошки,
коих сотни, коих гроздь.
.....Им игра - в душе скрести...

Опрокинутые замки
.....перевёрнутых песчинок.
Перевёрнутые карты

.....опрокинутых домов.
Незатянутые ранки -
.....- неудач первопричину -
завязать бинтом из фарта б!
.....Зажило бы всё само...

Опрокинутые ноты
.....перевёрнутых мелодий.
Перевёрнутые краски
.....опрокинутых картин.
Я б французским стал пилотом
.....приручаемой породы!
Всех больших удавов гадских
.....я бы в шляпы превратил...

Опрокинутые соты
.....перевёрнутого мёда.
Перевёрнутые брызги
.....опрокинутых пиров.
Перевёрнутые Кто-то
.....то приходят, то уходят...
Бью. Колю. Сметаю дрызги
.....приносящихся даров.

Опрокинутые копы
.....перевёрнутых былин.
Перевёрнутые шпильки
.....опрокинутых стволов.
По реке из снов Эзопа,

.....на бревне глазных соринок,
очень долго мысли плыли,
.....расставляя бредни слов...

Опрокинутая лампа.
.....Перевёрнут свет. И клином.
Свет без тени. Купоросный,
.....будто патинная медь.
Обрезиненная лапа
.....влезла в серенький суглинок,
Вскрыв трепаном ларчик костный...

жизнь
.....вернулась
.....К мозгу
.....В клеть...

...нет, не раб...

Нет, не сдался бедный раб...
Преисполнен верою...
Он восстал... Он не ослаб...
Сослан на галеры он...

Батогами бит, кнутом...
Ноги - в цепи звонкие...
Не ушли, при всём при том,
рифм порывы тонкие...!

В руки вложено весло.
Частый счёт у кормчего...
Пусть. Сегодня не свезло,
но с покорством - кончено!

Голод, жажда, градом пот,
душно в трюме, плеснево...
Но душа раба поёт!
Ведь душа - есть песнь его!

Отчего так весел он,
скованный с колодою?
На день был он наделён
шаткою свободою!

День всего - на сто глотков,
им самим устроенный.
День всего - зато каков!
Руки, ноги - без оков,
он не раб - отмыт и нов.
И... умрёт - спокойно он...

...о своём, о волчьем...

Тенью серой по стене
прикроватной...
Холка вздыблена, с шерсти -
сини искры.
Коль услышишь, расскажу я

приватно:
взгляды в лес не лечит цепь.
Лечит выстрел...

Облик, бляенье, завив пусть
овечьи...
Но куда девать оскал,
спесь и рыки?
Взгляду брат не пёс брехливый,
а кречет...
Цепь. И окрик. Взгляд всё злее
твой дикий.

Тенью серой. Шерсть стояча на
холке.
Привидением, фантомом -
на волю.
Быть в овчарне не положено
волку...

На луну пойдём повоем мы
что ли?

...макрошокку...

из киновари шёлка шуршаще вылезая
японец меч свой вскинул не крикнувши
банзая
а мимо пробежала сиренево борзая

клинка не испугавшись и лаем ночь взрезая
расположивши спящих что простыни
терзают
а кто не спит тот мускус понять всю ночь
держит
и вкус клубники зимней на влаге губ у заек
плоды осенних сакур - миндалевы глаза их
для них цветисто-хрустко берут из банка
зАем
как кисточек для чая ресничек взмах - стезя
их
разить точней и хлётче чем меч у самурая

...размышления кота у мусорного
контейнера...

Кто-то пил вчера в три глотки,
от еды спиртным несёт.
Пахнет, ладно хоть, селёдка
тишиной приволжских сёл...

Ща б со Стенькою на струге,
где на кичке вся сарынь,
гладить пену волн упругих...
И царевну в воду - шпынь!

Смешан резкий дух колбасный
с чесноком... Тревожит тмин.
Жаль, не март. А так прекрасно б

спеть на крыше. Лето, блин...

Я, бывало, пел так мило.
Мурка плакала навзрыд.
Что там дальше? Фу, обмылок.
Что ещё? Ой, это ж стыд!

Тянет - то ли хлорамином,
то ли свежим огурцом.
Март хочу! Без марта - сгину!
В марте был я молодцом!

Утюгом разит горелым.
Кто-то бросил нафталин.
Подустал. Посредь тарелок
углядел пяток маслин.

Дух ремня сочит тетрадка,
им пропитан и дневник.
Ученик был, видно, гадкий,
и учиться не привык.

Трачен мышкой сыр бесплатный.
Сижен Муркою песок.
За неё я бился знатно,
мой авторитет весом!

Чих впитали - табакерка
и платочек носовой

У моей хозяйки Верки
два таких всегда с собой.

Поводок пропах тревогой,
настроенье сходу - вдрызг!

У Дружка - хозяин строгий!

Я такого бы - загрыз!!!

...о вечном. пингвиниادا...

пролетавший мимо сокол
подсказав, где пингвин бродит,
пыль смахнувши с пегих крыльев,
с клекотаньем улетел.
я подковками зацокал
по камням.
да! пингвин, вроде!
нет, не зря четыре мили
я пилил среди скальных тел...
мне кивали эдельвейсы,
пел ручей...
чу! рядом шорох.
организм мой весь напрягся:
штурм последний. и - бросок!
глупый пингвин в скалах грелся,
весь в пуху - сухом, как порох.
жир его, нелепой кляксой,

тёк в полуденный песок.
хорошо ему живётся!
толст и кругл - сметаны фляга!
и не бьётся окаянно,
не пытается в полёт.
никогда не видел лоций,
прёт в волну - как карты лягут,
в океане - словно в ванне.
с ветром дружит, обормот!
к тёмным мыслям пингвин хладен.
бродит тихо в одиночку.
делать выводы любые
не желает - пустота.
день мой пингвином украден.
в наблюденье ставлю точку.
и смотрю на гор горбы я.
нет, природа щас - не та!

ТАВТОЛОГИЯ ЖИЗНИ

...бормоталка...

какую бы выбрать средь тёмного бора
тропу?
и как, пробираясь сквозь дебри, совсем не
трястись
от страха и жути,
что неотвратимейше
путь
ведёт почему-то к реке под названием
"стикс"?
так хочется верить, что лес этот не на краю,
дорога в залесье извилиста, да и длинна,
в конце ее - море и чаечно-гомонный юг

со множеством тещ-приложений к весенним блинам.

пытаюсь заставить поверить себе - я не раб,
а просто заблудший в тумане уставших химер.

и сколько ни говори про халву,

но -

хренак! -

стучит по филёнке бабища нелепая -

с-м-е-р-т-ь...

...что наша жизнь?...

Нет, не зрители мы в ожидание спектакля,
мы не просим погоды у волн и воды.

Как актёры, мне кажется, мы не иссякли -
мы фехтуем на сцене под знаком беды.

У висков в напряжение пульсируют жилки,
изготоваясь прорваться к началу начал...

Продаём мы фамильные ложки и вилки -
на билет чтоб хватило. На мокрый причал

прибегаем последними в пене и мыле,
успевая вскочить на откинутый трап...

Мы играем фантомов из сладостной были,
нам, по-моему, нравится наша игра...

Мы клянёмся единожды, дважды и трижды -
заметать за собою свои же следы.

Мы ещё не иссякли. Нам надобно выждать,
чтоб рассеялся терпкий навязчивый дым...

...среднестатистическое...

Он где-то как-то проживал,
чего-то ел, любил кого-то -
дарил цветы и кружева,
и мылся в бане по субботам.
Он заливал, порой, тоску,
а иногда порол горячку.
Знавал и Дам, и потаскух,
и "москвошвею", и "версаче".
Мял хвост удаче, падал вниз,
выл на луну и пел осанну,
лечил ангину и мениск,
читал Басё и Мопассана.
Бывал в Париже и в Перми,
был на Бродвее и в "Ленкоме".
Однажды,
днём,
нелепо,
вмиг,
на полушаге,
взял и помер...

...осень. лист. вальс-экспромт...

Этот мотив будто корни пустил,
врос.

Мучает утром, спать не даёт в ночи.
И, изогнувшись, дразнит, казнит вопрос:
что же за века звуки вовсю сочит?

Память ломает ногти,
но нет,
слаб
истый порыв разрыхлить забытья грунт,
чтобы воткнуть в него с силой маяк-флаг,
мол, и не давит теперь этих нот груз.

Я,
как в степи не сберегший коня, скиф,
или колдун, потерявший вчера дар,
от безнадёги сметаной уже скис.
Вдруг осенило.
Да вот оно!
Вот!
Да!

Гвалт предполётный как плети с ветлы вис.
Тяжесть небесная жаждала струй-свай.
Верхний сосед снова пьян:
из окна - Лист.
Вычленен как бы экспромтом из струн

вальс.

Старым роялем фальшивил сентябрь нам:
раз отболело, то всё, что не боль - в Стикс.
И напроорочил: минуту спустя,
над
стылым двором
вальс-экспромт,
уходя,
стих.

Коршуном ветер гонял желтизну крон,
строил из листьев за этажом этаж
дома,
в который осень втащила трон,
царским указом оформив
разрыв
наш...

...покуда иду, выплывает причина...

Хоть сущность лепечет:
молчи, мол, молчи, мол!
Молчу.
Но всё чаще мне приторно гадко,
как на скотобойне, где запах столь сладкий,
что вой вырывается неизлечимый...
Таких ощущений, как грязи - навалом!
Под ложечкой - страшно, а в черепе -

камень...

Какие-то сны всё - о пиковой даме,
подбой у плаща её - пурпурно-алый...
...твердит по-булгаковски поваром лютым,
грозя маникюром мне, как поварёшкой:
червонцем ли, сотней, да хоть бы и трёшкой,
сдавай, понимаешь ли, мыслей валюту!
Нет, мозгом здоров я, и вроде бы в силе.
И выпить могу без закуски немало.
Но что-то как будто меня поломало...
А может и вправду мне дама грозила?

Полощется утро как вымпел на рее.
Шагаю по улице гордо и чинно.

Покуда иду, выплывает причина:
качель твою влево!

Старею...

...ста-рею...

...мерещится ноябрь мне то и дело...

пытаюсь запастись я днями ли,
ночами ли - мне всё сойдёт до кучи!
огарок стал коптить, да так трескуче,
хоть уши затыкай, хоть глаз коли...
маячит горизонтная межа,
и стал ноябрь суровый часто сниться...
короче, приближается граница,

и то, что приближается - мне жаль...
хотя и ждёшь, а как удар под дых -
дыханья сбой, и голова пустая -
надежды нет, что снег уже растает
и зазвенит журчанием воды...
вспорхнул мой ангел с правого плеча,
и с птицами, похоже, улетел он.
мерещится ноябрь мне то и дело.

...а может быть его не замечать?..

...журавлиная охота...

пока ещё кондратий не скосил
и бес нутра настойчиво велит -
вложусь-ка братцы в слово что есть сил
и чтоб в конце - шедевр
могуч
велик
привык ловить прикормленных синиц -
их штук пятьсот - не холод не жара
но не смотря на пройденный зенит
в глазах стоит непойманный журавль
с которым если пить - то до чертей
копать - до дна
нырять - так глубоко
всегда бегом
но только не к черте -
видал в гробу он этот ваш покой

и потому -
отчаливай кондрат
плыви
лететь
не смочь тебе
ты хил

всё
решено
я с первого числа
по мере сил
всю силу слов -
в стихи

...двадцать пятое серебряное...

Четверть века назад - дождь
проливенный - тонул мир..
Поменяли мы сто кож.
Под сто первой - всё мы, мы.
Четверть века назад - блеск,
пел Антонов весь день в "до".
Золочёный туман - в лес,
серебристый покой - в дом.
Четверть века назад - пыл
тёк, как лава, сквозь дни в ночь.
Примеряем глагол "был",
кринолин заменив льном.
Четверть века - большой миг.

Кто-то выпал, не снёс крест.
Удалось обрести мир,
хоть и тяжёлый его пресс.
Четверть века едим соль,
и совместной её - пуд.
Серебрится волос смоль.
Счастье где?
А оно - тут!

...утренний монолог...

Рассвет уже погас, восток бездарно блёкнет,
макая перламутр в безвольное ничто.
Сквозь людный пересмех, автомобильный
клёкот -
едва ли различим рожденья утра стон.
Шуршат наперебой спросонья хрипло шины.
Вон, нищий у метро танцует гопака
под чей-то перебор по-ухарски фальшивый.
Пока не толчея. Свободно. Но - пока.

И поплывёт народ, отдав себя течению,
желая или нет, наплавается всласть.

Нет, в гущу не иду, толкаться там зачем
мне?

Я всё же светофор,
в каком-то смысле - власть!

...ВСПОМНИТЬ ВСЁ...

У городских трущоб особый запах -
такой смешать не сможет и Диор.
Нюхнув, поморщит нос вальяжный Запад.
"Я - дома!", - скажет местный идиот.

У городских трущоб свои законы.
В почёте: сила, хватка и размах.
Здесь самогон, почти не прячась, гонят.
Гостей не делят: зван он, иль не зван.

У городских трущоб язык особый.
Тут мат - не ругань, просто - лексикон.
"Люблю тя, тварь!", - признаются без злобы,
в ответ: "И я, такой ты рассякой!".

В трущобах видно всё, как на ладони.
"Тю! Тонькин хахаль чинит, гля, забор..."
"Ушёл от Кланьки ейный-то подонок,
пришлось вчерась ей вырезать аборт..."

До сей поры жива игра в пристенок,
а мяч гоняют даже сквозь буран.

Играют в секу, но
не из-за денег,
а чтоб своим считал любой барак.

Не по уставу из соседней части
солдаты
ночью бегают к вдове.
Им - хорошо.
Ей - временное счастье.
Не судят их.
Поскольку - свято ведь.

В трущобах городских играют свадьбы,
с салатом чтобы, ну и с дракой чтоб.

Собой пополнить воинскую рать бы -
любой пацан тут сызмальства готов,
коль сможет он до совершеннолетия
не загреметь к Макару на луга.

В трущобах жил.
О сломе их жалеть я
не стану, нет.

Не буду и ругать.

...а где-то там...

Душа, увидев свет в конце тоннеля,
сказав: "Дружок, ну всё, я побежала!",
ведь побежала.
На до ж? В самом деле!

Заметил я: остреет морды жало.

А где-то там, в прострации горбатой,
как будто крик простуженного урки,
хрипатый глас: "Да скальпель..." ... дальше
матом...

Но это зря. Не справился хирург-то...

Прошу простить, Лизетты и Иветты,
за то, что вы останетесь невинны.
И пусть порыв кладбищенского ветра,
подсушит масло постное на минах,
загнёт вам юбки, оголив колени,
заставив вас, наверно, даже вскрикнуть.

Я подсматриваю за вами из вселенной,
и прошепчу безмолвно:
"...знать бы прикуп..."...

...лямур-тужур...

Лунно. Волки воют - жуть.
Страшно зайцам и ежу.
На коньяк перехожу -
не хватило виски.
Щас пойду предупрежу:
"Милка, спи без мандражу!
Думы всё. Знать, не могу
тя сегодня тискать."

И из дома выхожу...
Снег скрипучий: жух, да жух.
На обочине в "Пежу"
хахаль. Видно к киске
местной. Ну, давай, дежурь!
Я ж, блин, в творческом ражу -
в сём ноблесе оближу
мне лишь рифмы близки.

Звёзды, будто бы кунжут
с лунной булки - шлёп в межу
меж полей колхозных. Жгут
снег огнём искристым.
Я поблизости брожу -
в белом поле чёрный жук.
Волки. Звёзды. Строчек жгут
вырастает быстро.

Снова б выпить! Терпежу,
не хватает, вам скажу!
От стихов в башке ажур
и порядок скисли.
Стих готов почти, бежу
я к ларьку, как к рубежу,
что последний. Там ссужу
взаим бутылку "Плиски".

Двор мой. Как на чертежу
всё квадратно в ём. Жух-жух -

по тропинке подхожу
к дому близко-близко.
Глядь в окно: мерси-бонжур!
С милкой тот, что из "Пежу" -
голый, будто на пляжу!
Вот тебе и киска!

Волки воют. В доме жуть.
Пятый день уже гужу.

Ясно даже и ежу:
стих пиши, пей виски,
ешь луну, кунжут гужуй,
думу думай, как буржуй,
но меж тем (лямур-тужур!) -
ты милашку-т - тискай!

...зато меня запомнят молодым...

Зато - меня запомнят молодым.
Никто не крикнет вслед с презреньем:
"Старец!"
Не нужно думать:
даст ли кто воды
в гранёной,
иль ещё какой-то таре...?

Я не узнаю слов:
валокордин,

стенокардия,
пенсия,
одышка.
Медалью "Ветеран" не наградит
меня
инспектор кадровый - худышка.

Не буду на ночь скорбно вынимать
искусственные челюсти с присоской,
а днём,
среди таких же Вань и Мань,
с клюкой гулять по скверикам московским...

Нет,
решено,
останусь молодым!

Вчера так долго думал я над этим,
что к вечеру набрался в пыль и дым,
штормило,
будто дул сильнейший ветер...

Считаешь,
что о смерти я?
Ну нет!

Читатель,
ну-ка быстро стань весёлым!

Дожди размыли краску на стене.
Там надпись:
"...не расстанусь с комсомолом..."

...хоть и осень...

Скоро птичьим стаям - в лёт,
на юга.
Крик начнётся повсеместно,
и грай.
Карту треф зачем клюёшь,
попугай?
У гадалки в клюве - крест - не
игра!
Нагадай-ка лучше лет
больше ста,
а ещё верней - три дюйма
весны!
Коль откажешь - брысь-ка в клет-
ку к шесткам,
а гадалок нынче - уйма.
Плесни
друг-товарищ нам опять
до краёв,
пусть как сокол взмлет градус
вина.
Невозможно время вспять,
ё-моё!
Хоть сегодня будет радост-

но нам.
Август стелет по земле
первый дым,
моет сириусов лица,
и вег.
Скоро - осень.
Осень лет -
впереди.
Хоть и осень, только длится
пусть - век!

...банный монолог с припевом...

Ах, чего ж ты, родная, в ватнике?
Чой-то сделала ты не то...
Баня - это мечта романтика!
Раздевайся, проходи! Не стой!

Дай-ка пару! Он грусть повытравит!
А в предбаннике - квас, первач...
Будем париться, хворь нам трын-трава!
Веник - лучший народный врач!

Горячей! Горячей по спинам ярь!
Влей-ка в каменку квасу таз!
Отскочила? Успела? Крепок пар!
Дух зашёлся, с полка хоть слазь!

Мыло шапкой в ушате пенится.
Поразгоним и блох, и вшей!
Милка, слышь, ты сегодня пленница!
Слазит кожа со спин и шей...

Вся водица поди уж вылита!
Пробежимся посредь снегов?
Эй, выходи, ты чего вся в мыле-то?
Знамо, бабий размер мозгов...

В питье знаю толк и меру я.
Трижды примем мы по одной.
Боле - вряд ли. Я в норму верую!
Выпьем, знамо, без всяких "но"!

А мы просты-просты, косили хворь косой.
По спинам веником, парок горяч-хорош.
Нам хлебный дух давай, на камни лей
квасок...

Знать, день шестой пришёл, ходь в баню,
хошь - не хошь!

...постоянно снятся те же крыши...

Постоянно снятся те же крыши
и берёз струящиеся ветки.
Будто я опять из дома вышел.
Будто я опять в двадцатом веке.

Каждый свой апрель семидесятых
помню я по сбору соков вешних.
В церки бог был не Христос распятый,
а "... из всех искусств для нас важнейшим..."

Снова я дружинный барабанщик
и вокруг сплошные пионеры.
Галстук мой завязан не на бантик,
а квадратным узелком манерным.

Снова я таскаю за косички
впереди сидящих одноклассниц.
Загоняю я в поджигу спички
и она на перемене клацнет!

Зная, что никто тут не прогонит,
мы курили "Север" за столовкой.
У отца на тыльнике ладони -
"Северный" рассвет татуировки...

Мы портвейн с красивым цветом - "Южный"-
измеряли стаканом губастым.
Шли на танцы с пацанами дружно,
чтоб клешами модными похвастать.

Выдавала деньги на подстрижку
Марь Сергевна, строгая для виду.
Я бежал в буфет, где ждали пышки,
пирожки с капустой и повидлом!

Мы в "буру" играли по копейке,
ставя малолеток на "атасе".
Выжигали лупой на скамейке
все секреты выпускного класса.

Разучив блатные три аккорда,
пели о евреях и окурках.
Слушали о "каторжниках гордых"
и, само собой, конечно - "Мурку"!

Провожали в армию знакомых,
а затем и нам труба пропела.
Но другими мы вернулись в дом, и
стала не такой весна в апреле.

Снова мне приснились те же крыши
и июнем пахнущие липы.
Будто я опять из дома вышел.
Будто только вышел,
а не выпал...

...скорость за сорок...

Не жизнь, а курьерский состав,

как только шагаешь за сорок.
И рельсы всё время под гору,
и скорость - "аллур три креста".

В часах завелись кузнецы -
всё косы куют. И не спится.
В башке - академик Капица.
Не знаю - отец или сын?

Как пули недели свистят -
в обойме квартальной им тесно!
Ау! Где межрёберный бес-то?
Мне бороду брить перестать?

Какого такого рожна
скострячить бы в полную силу,
покуда ещё не скосила
к чертям сифилитик-княжна?

Стартуешь за сорок когда -
летишь, как "Прогресс" с Байконура,
как будто приказ: "снип-снап-снурре"
Г.-Х. подзабытый отдал.

Успеть бы себя обрести
на скорости первой планетной!
Склероз?
Да пока ещё нет,
но...

...не помню, о чём этот стих...

...в виде тире...

Я теперь холоднее льда.
Я теперь молчаливей скалы.
Я - как тот оловянный солдат -
в виде слитка в горсти золы.

Я теперь избегаю нот.
Я теперь отстраняюсь от рифм.
Я - отрывок немого кино.
Я - на папке секретной гриф.

Я - забытый в кустах рояль.
Я - в июле отсутствие гроз.
В старых досках гвоздей остря.
Плод ненужный. Сорви и брось.

Я - азот. Им не дышит грудь.
Я - шипы засыхающих роз.
Я - ушедший в бесследие путь.

Шок догадки мне день принёс:

Что-то я не допел, видать.
И мотив заржавел, захирел.
Словно в печень ножом:
МЕЖ ДАТ -

ЖИЗНЬ ВМЕЩАЕТСЯ -
В ВИДЕ ТИРЕ...

О ГОРОДАХ И ВЕСЯХ

...Киев. Ария московского гостя...

Блеск Днепра.
Фуникулёр -
звуки -
тяжкие такие.
Поезд - с жизнями кулёк.
Добрались.
Голгофа.
Киев.

Многоглавый блеск Софий.
Михаил святой напротив.
Ольгу высветил софит
и спецназа взвод. Иль роту.

Всё в каштановых свечах.
Воздух густ. По-майски тяжек.
Утонул майдан в речах
и в бинтах больших растяжек.

Апельсин на голубом.
Голубое тонет в рыжем.

Спуск Андреевский.
Лубок.
Местный бард стихами брызжет.
Слово ты, а он взамен,
мол, спою сейчас я хит, и

так спою, как не сумею
тем, кто от роду - Никитин.

Куренёвские сады -
блюз весны в вишнёвом дыме.

Лавра. Сонм мощей седых.

Величаво жёлт Владимир.

Пирогово. Гоголь. Вий.
Ввысь уходит свод дощатый.

Гам. Палатки. Рикши.
Вид
у тебя чудной, Крещатик!

Два десятка лет хранил
в голове, как отпечатки,
виды Киева:
Гранит.
Демонстрация.
Брусчатка.

Всё запуталось хитро.
Киев тот?
Не тот?
Да прежний!

С демонстрации - в метро.
Поезд полон.
"Обэрэжно...!"

3-8.05.07

...в пустынном городе ночном...

Ночная лампа лунисто светит,
селеной выстав уснувший город.

Легли вопросы в постель ответов,
и пот вернулся обратно в поры.

Разверзли стены пещеры трещин.

Витрины съели зазывность полок.

Простором бродит, как призрак вещей,
ознобный, в общем, но летний холод.

Мелькают жизни в фонарном блюде.

Большие тени набрали веса.

Но летом краток недвижья студень,
вмиг станет быстро...

...а вскоре - тесно...

...утренний город пока ещё...

утренний город пока ещё тихо звучит.
речи свои он ведёт не проснувшимся
голосом,
ждёт, чтобы рты его, так же как прочие
полости,
улицы, скверы заполнили вновь москвичи.

несколько позже проявятся скрежет и визг,
глотка надсадится гомоном, разноголосием.

рокот вплетёт свой и техника, что вдоль
полос снуёт,
птицы незримые вклинят свой крик-
атавизм.

вот уже лижут асфальт языками подошв
волны откатные, шарканьем, цоканьем
полные.

всхлипами ливня, рок-музыкой грома и
молнии
разнообразится вечер, попавший под дождь.

вспенится весело в трюмах питейных
шансон,
сплин саксофона смешается с пенкой
кофейною.

взбив тишину, запоёт свою арию фея-ночь,
ввергнув тем самым кварталы в короткий
транс-сон.

с песней рассветной рассыплется солнца
лучи,
сняв заключённое звуками в ночь
перемирие.

век не подняв,
тяжелы,
утром веки как с гирями,
город проснувшийся тихо пока что звучит.

...дорога...

Дорога, дорога, дорога...
В окне - разночинность картин.
Отрыв от привычных порогов...
Понятий и лиц ассорти...

И вьётся поток разговора
по руслу изнанки души -
плацкартный, купейный и скорый,
стеснения блажь сокрушив...

Полощется правда в стаканах
и радует стук-перестук.
Не кажется чуждым и странным

рассказ из версты, да в версту...

Становятся ближе, роднее
попутный товарищ и брат.
Осталось порядком на дне, и
бутылка на розлив щедра...

Слипаются веки и нити...
Рассыпался ночи песок...
«Товарищ! Под N-ском толкните!»
«Пожалуй, и я на часок...»

Размазанный лес заоконный
верхушкой своею зардел.
По внутри-вагонным законам
под утро полтысячи дел...

На время немислимо злиться,
тем паче – его углядеть.
Чужими становятся лица
родных накануне людей...

Блестя, пресмыкаются рельсы -
как мокрые змеи-ужи...

Расходятся люди и рейсы -
шкафы для скелетов чужих...

...городское...

Стеариновый выкрик улиц...

Пластилиновый взгляд у домов...

Лица-маски уже проснулись:
пляски мимик... Пласты умов...

Серпантины кривых проулков...

Конфетти пятаков-площадей...

Чёрный космос туннелей гулких...

Сотни снимков мостов в воде...

Перелески кварталов сонных
и опушки глухих дворов...

Напряжённых вокзалов стоны...

Сотни нищих в тщете даров...

Трубы-стеллы заводов дымных...

На шоссе - домино машин...

Хоровод куполов старинных...

У высоток - штыки вершин...

Амальгама прудов-тарелок
и брусчатки надменный брус...

Ряд рисунков.
С утра - акварелек,
днём - гуашью цветной разживусь...

...зимний базар (из 90-х)...

В суете предновогодней
ёлки светятся с витрин.
Для зимы тепло сегодня.
Снег пушистый. Минус три.

Иностранным словом шоппинг
называю променаж.
А ещё глазеть мне чтобы -
поубавил шаг я аж.

На базаре - смесь эклектик,
позавидует Гиляй!

Турок - пребольшой электрик -
весь в розетках, только глянь!

Хрусталём,
шарами в глянец
(красок люстровых парад!)
дразнит всех смугляк-афганец.

Знать, в горах есть Гусь-Герат!

Рыбой хвастают армяне.
СвежЫй, пАдхАдЫ, треска!
Днями выловлен в Севане!
Вай, хвостом круги плескал!

Вот китайские гирлянды
и петарды.
Рассказал,
показал мне всё наглядно
заприлавочный казах.

Мёд башкирский два китайца
привезли через Шанхай.

Смачно грек продать пытается
алеутские меха.

Вот бакинские бананы
и тбилисский ананас.
Минский лён из Магадана,
и чукотский медный таз.

Нагляделся я по горло.

Чай, гуляю-то зимой -
начал мёрзнуть.

Фотку-порно
предложил глухонемой.
Я на пальцах отказался.
Не до сурдо-камасутр!

Прикупил чекушку, сальца,
хлеба чёрного. Несусь
поскорей до дому,
греться
стопкой водки изнутри.

Снег. Базар. Декабрь.
Не Греция,
даже если минус три...

...и, может, стишок написать...

В боях измордованный разум,
захваченный городом в клинч,
мне круг пенопластовый-фразу
подкинул:
скорее под Клин!

Туда, где лягушки - царевны,
где лесом прошит горизонт -
в забытую богом деревню -
езжай-ка!
Есть в этом резон!

Там тишь растакая, что уши
заложит, как на высоте.

А ветер немедля обрушит
лавину свежайших вестей,
а после, с захлёбом и воем,
сквозь тонкие лозы куста,
вдруг роль приставалы освоит,
что вскрикнешь невольно: отстань!

Там вечером хрюкает в поле,
горох поедая, кабан,

а, травленный вдрызг алкоголем,
колхозник рихтует комбайн.
С утра похмелится,
рассолом
капустным запьёт самогон,
и снова на поле, там соло
в комбайне вальсирует он.

В пруду перецветшем,
под ряской,
жируют вовсю караси.

Там дом с облупившейся краской,
как в целом десятке Россий.

Наевшись такой красотищи,

по трассе воскресной - назад -
сушить светом города днище.

И, может, стишок написать...

СНИЗУ О ВЕРХНЕМ

...двупредложное...

...кровь объявив кагором,
бренную плоть мацой,
снова взошёл на гору,
светел и тих лицом,
тот, кто утратя силы,
плача среди олив,
так и не упросил, нет,
жребий-юдоль продлить
строного в дальнем плане,
любящего отца,
сдавшего на закланье

дикой толпе юнца,
коей лишь хлеб по нраву,
крик с раздуванием щёк,
и всё равно - варраван,
или же кто ещё
будет с крестом сосватан
трупиками гвоздей...

...праведный боже святой,
вспомни о нас...
...мы здесь...

...Покров...

Заморожен плач ветров.
Листья жгут. Дымы костров.
Ближних зим посул суров.
В корках лужи средь дворов.
Покров...

Иней выстлал церкви кров.
Юркий нищий вскинул бровь.
Смотрит батюшка хитро,
от кагора поп - багров.
Подвезли к ограде дров.
Рад дровам алтарник Пров,
дело есть для топоров.
Покров...

Хмур с утра сосед Петров.
Сушью сильно жжёт нутро.
Пьёт спасительно сидро.
Ноет слева грудь острó.
Дочкин паспорт. В нём - тавро.
Заимела дочь свекровь.
Свадьба вышла - будь здоров.
Покров...

Голый клён. Вокруг - пестро.
Но поверхность узких троп,
крыш, полей, дорог, бугров,
холод, шедший с севера -
белым не укрыл ковром.
Вот таков настал покров...

Согревают улиц кровь
звонари.

Октябрь.

Покров...

...сквозь безве-т-рие...

...стылое солнце-призрак коптит едва -
ленится плавить грязи взалкавший снег,
прячет в набрякших тучах то глаз, то два...
с эдаким-то заделом придём к весне?

к той, где найдётся демисезонный гид,
пьющий ночным нисаном с креста кагор,
вставший, от нас в отличие, с той ноги,
кто проведёт нас в май между лысых гор...
...сбросит погода всеу выросший тлен...
...чихом грехи перейдут в подотряд снов...
...хлебом единым всех накормив в Земле,
с небом сроднится кто-то...
...опять...
...вновь...

...под небесами не стоит врать...

рано.
наглажен. побрит, умыт.
без церемоний чайных,
не отвергая тюрьмы, сумы,
тихо звеня ключами,
честь отдавая цветам зари,
в утро шагаю споро.

а в небесах надо мной парит
ворон.
всё тот же ворон.

чёрным полетом своим лихим
будто твердит упрямо:
все ли за жизнь отмолил грехи?

все ли донёс до храма?
под небесами не стоит врать,
кто-нибудь да услышит.

вспомнился вдруг мне смешливый грай
детских друзей-мальчишек:
вон он, смотри.

глянь, опять идёт
в мёрзлой воде поплавать.
это наш местный был идиот -
толстый беззлобный Слава.
двинем? чего он? и впрямь, чего?
и налетели кучей.

слёзы да сопли,
да тихий вой -
мёртвый какой-то, сучий...

вроде, казалось бы, дань игре,
грубой игре мальчишьей...

ворон, прости, утаил я грех!
чёрный, почто молчишь-то?

след от инверсии воткнул в синь -
будто декор на ситце.
за самолётом, что было сил,
взмыв, улетела птица...

...не-бес-ное...

...стал вечер внезапно, как благовест,
чинным,
а небо пропело хоральной мулаткой,
что надо бы жить уже, как бы, с оглядкой,
сжигать себя нету особой причины.
и (странно так!) члены мои не сковало,
а я в ожидательном страхе не замер,
напротив, воскликнул: поститесь-ка сами!
учите других,
негорящих - навалом.
на слове меня небеса подловили,
сказав, громыхая межтучным металлом:
не плачет пускай, что безмерно устал он -
и -
в спину огнём из небесной плавильни.

в момент - будто тишью вселенской
накрыло,
невидимо-плотной, до звона горячей.
мне ведомо стало: спина моя прячет
крошечным огнём опалённые крылья...

...яблочный спас...

Сегодня нищим подаём не огурцы,
сегодня круглое едим, и не опасна
такая трапеза (писали мудрецы)
для душ погибших -
время яблочного Спаса.

Шарлотка, мёд, и спелый сладкий виноград
не принесут в желудки тягостей и жженья -
в холодном облаке - Фаворская гора.
Поскольку Спас -
сиречь - Его Преображение.

Не сотворим в умах пророка и царя,
вкушая яблоки и взор в иконы вперив.
Сошёл Отец с небес, пророкам говоря:
Он есть мой Сын. Погибнет. Вы - твердите в
вере.

Стоял без слов Он, дивным светом обуян,
и сорок дней пути осталось только между -
Петровым словом: "... друг? Нет, друг ему -
не я!..."
и этим мигом в ослепляющих одеждах.

Но дело всё ведь не в ответе на вопрос
о круглоплодных, мол, до Спаса их едим ли?
Не в том здесь суть, что поп (румян,
длинноволос)
до сентября на вас наложит епитимью.

Съедая плод неосвящённый,
среди сует
сравни грехи -
хруст яблок,
или,

как Иуда,
за горсть монет в саду блаженного уесть?

Сегодня Спас.
Для добрых дел созрели люди.

...свят. ой!...

Меж лопаток - ну такой зуд!
Трудно вынести. Трудней - скрыть.
Страшно даже, но свербит - жуть!
Подозрение: это рост крыл...

Уж-то выпало летать, а?
Думу думаю, аж мозг вспух.
Глянул в зеркало, а там... Там -
из спины лебяжий прёт пух.

Измусолил Жития в хлам,
все лопатки расчесал вдрызг.
Даже пробовал сходить в храм,
но священник мне сказал: брысь!

На спине твоей пророс мох,
не сошёл он, хоть ты тёр-тёр!
Кто тебя ко мне заслать мог?
И чесночно мне шепнул: чёрт!

Я на своды посмотрел, там -

все крылаты.
Поп? Да хрен с ним!
Жму домой, как на войну танк.

Глянул в зерк....
...а над башкой - нимб...

...лежак Прокруста...

Как говорится: рад бы в рай!
Грехи не пустят.
И грозный сторож вам у врат
расскажет с грустью:
- что не постились вы, когда
все кашу ели;
- что пили мерзостный "Агдам"
на той неделе,
зовут которую страстно;й
(увы, не страстной);
- что вы вели себя весной
не так, как паства -
сверлили взглядом озорным,
слюну теряя,
округл...
кхм... в мыслях неверны!

Не ждите рая!

А лучше выпейте чайку

по паре стопок.
И оставайтесь начеку,
иначе - топот
обутых в туфельки копыт
заманит в сети.
И, осуждающе, попы
сквозь зубы сцѣдят:
"Готовьтесь в ад, на небеса -
грехи не пустят!"

По мне - все эти словеса -
лежак Прокруста:
- кого-то в кущи вознесут,
отрезав ноги;
- кого-то вытянут...на суд,
там злые боги,
в глазах усиленно троясь
(как с браги пенной),
в анкету штампик синий - хрясь:
гореть в геенне!...

Один - прищучил в обиход
бумажник свата.
Другой - сидел на дубе год,
шлифуя святость.
Вердикт суда: обоих в пасть
костра рогатых.

Вот вывод мой:

и в рай попасть
нельзя без брата!!!

НА ЗАДАННЫЕ ТЕМЫ
(конкурсное)

...повороши...

Ты ногой листву повороши,
под её пластом отыщешь лето -
спряталось оно,
не взяв вершин
наших гор
вопросов без ответов.

А над октябрём блестит медаль -
выданное небу солнце-ссуда.
Я б ему и гривенник не дал -
вместе нас под ним уже не будет.

Мозг плющом вопросным весь обвит,

неподвижен,
словно фото в рамке:
был же буревестником любви
наш роман?
А стал птенцом-подранком.

Нет, чтоб желторотого с руки
выкормить,
за пазухою грея.
Мы же, хвори птичьей вопреки,
ночью, днём - в волну с высокой реи.

Подавились криками стрижи,
гомоня о шторме редкой силы.
Ураган не вышло пережить,
передозом чувств нас подкосило.

Да ещё и выжали себя
так,
что повылазили скелеты.

За окном купе - листы рябят.
Кто б поворошил -
под ними лето...

...щупаю берег...

Дух перегара, пять дней не брит,
сломаны - руль и тормоз,

берег ишу, как заблудший бриг
после большого шторма.
Сорван мой парус, обломки мачт
смыло водой забортной.

Гюйс - в лоскуты!
Но его кумач
всё-таки за работой,
да, весь трепещет,
но жив он, жив -
буду в миру опознан

Как не сумели с тобой,
скажи,
вычислить бури грозной?

Душу в закланье, клянусь, отдал
я б за предзнание истин,
что вместо красок - одна вода
на акварельных кистях,
и колокольчик - отнюдь не смех
твой,
а звонок тревоги,
что у любви наступила смерть
где-то ещё в дороге
к нам,
но далёкий
предсмертный крик
тих был, и не расслышан...

Щупаю берег.

На кухне приз -
горсточка спелых вишен...

...тогда...

наморщен лоб и взгляд предельно строг -
тандем такой во снах всё время мучит
в которых танго с ритмикой ломучей
в себя впитало пряный дух острот
картинки ноты запахи -
внаввал -
мелькающие маски руки лица
как будто бал абсурда в психбольнице
а может в преисподней карнавал

за что тогда я получил под дых
речитативом слов почти бульварных
не понял вовсе
сны с тех пор коварны
всё сыпят соль и не дают воды

пора убить настырную печаль
ту что растёт как кровосос на теле

но тают дни неделя за неделей
а я забыть боюсь наш первый час

...нарисуй...

Понимаю.

Не напишешь.

Совсем.

Я тебе - как третья ось колесу
или горец почечуйный в овсе.

Не пиши!

Хоть что, хоть как - нарисуй!

Напомадь на амальгаме козла!

Вытри пыль фигурно с полок хоть раз.

Шарф спартаковский - да в синьку со зла!

Фейс на фотке мой испорти с утра.

Сбей росу в узор - лугов посреди.

Взборозди дорожек водных веслом.

На прибрежной полосе наследу.

Накорябай в мокрой глине число -
дней от вылета меня за порог.

Мелом белым тисни стоп-полосу,
и сотри её себе поперёк.

Все рисунки в файл архивный стасуй,
неохоте встречу - ты почтой их кинь,
хоть бутылочной, на волю Наяд.

Я твоё узнаю в сотне стихий!

...

...даже если адресат и не я...

...nostalgia...

В те времена возможно было всё,
и даже то, что было невозможно.
Шторм ностальгии с волнами несёт
туда, где смысл и травы переложны.

Там ветер юн, дух братства настоящ,
там вкусен хлеб, который просто с солью.
Спина к спине друзья в беде стоят,
их ни одна размолвка не рассорит.

Любимый луг. Журчание реки.
Струн перебор и песен переливы.

Но жизнь хоть трижды светлой нареки -
не избежишь стремнин её бурливых.

Строга судьба. Кого сожрёт Герат,
кого-то дно прельстительного змия.

Ну а пока глаза всюду горят,
в полёт у всех по жизни проездные.

Зеленых ив раскидистая тень,
а у воды ракит могучих сваи.

Мы ускользнули в жаркой маете
и целовались не переставая.

Потом костёр, портвейна по чуть-чуть
под разговор о будущем цветистом.
Похожи мы немножечко на чунь -
картофель ели с голоду - не чистив.

Вспорхнул голубкой явский сизый дым.
Накрыла ночь поросший снытью берег.

Пока цветут желания сады,
возможно всё.

Тут главное - поверить...

...давай, до свиданья...

только не нужно, слушай, меня лечить.
больше не отзываюсь на каждый чих.
и самомненью текст мой ты передай:
прожиты - понедельник, четверг, среда.
в мозге моём дежурит свирепый ЧОП,
он хорошо обучен на "что почём",
верю, его не купит краса Елен,
и Менелай навечно сойдёт с колен.
тушка моих сомнений обречена.
так что, давай, не надо, не начинай.

змейка из воскресений
как василиск
жалит.

но мне до фени.

я чистый лист...

...и шёпот учуять...

приеду к тебе, как придет весна.
у вас зеленой трава!
от мыслей шальных голова тесна
и всякий закат кровав.
все козыри вышли, но стоит свеч
поставить судьбу на кон,
багряный закат превратив в рассвет.
иначе-то жить на кой?
а утром толкнуться знакомо в дверь,
как есть - запылён, небрит.
и шёпот учуять:
всегда мне верь!
и сам, слышишь, сам не ври...

...постполётное...

Город успокоенный и вымытый.
Дождь звенел, как мелочь у менял.
Звоном растревожен я, но вынута
будто что живое из меня.

Губы затекли новокаиново,
их кусаю в кровь, не чуя боль.
Видимо, до крайности наивными
были мы полвечности с тобой.

На лету соприкоснувшись крыльями,
приняли за искры ты и я
блики, преломляемые пылью, на
глянце кожи книги бытия.

Мы прочесть тогда не удосужились
строки, занесённые в скрижаль,
где не соотносят нас как суженых -
как мороз не вяжется к стридам.

Небо снова с мокрыми ресницами -
бенефис сегодня у дождя.
Не могло в то время и присниться нам -
мимолётность тяги переждать.

Нам обиды шлют десятки пеленгов.
Бьют слова тяжёлые под дых...

Слушай, доживём до понедельника?..

...и, быть может, даже до среды...

...я увижу...

О тебе мои мысли!
Не кисни!

И придерживай шляпки
поля -
очень быстро несётся
Земля!

На рассвете, весёлом
и рыжем,
пролетишь надо мной -
я увижу!

...сегодня тихо...

Сегодня тихо на белом свете.
Сорит снегами народ небесный.
Не знаю даже что делать с этим -
"обратный скорый" есть только в песнях.
Хочу, конечно, надеждой тешить
себя: мир целый, хоть был расколот.
Мол, глянь: всё так же, вокруг все те же.

Король вот только по-датски голый...

Пух воробьиный на спинах будней.
Недвижность мыслей три тонны весит.

Ты сном хорошим хоть раз побудь мне.

А там... Кто знает?
Ведь мир-то - тесен!

...при попытке вздохнуть...

Не узнать - невозможно, сдержавшись, лишь
молча кивну,
так как чувствую - жалят полдюжины
взглядов мне спину,
полагаю, прожжён ими буду я до
сердцевины,
если панцирь защитный пропустит кого-
нибудь внутрь.
Понимаю, предание вовсе ещё не старо,
и струится оно, как вчерашние воды вдоль
грота,
марианскую впадину вылизав в донной
породе,
и заставив запазушный камень казаться
горой.

Та же гордая шея в объятиях жемчуга бус,
и в сентябрьских глазах синь небес
васильковая та же,
при попытке вздохнуть - мне, как будто
испачканный сажей,
чёртик памяти выдал, что губы клубничны
на вкус.
Не дописана старой новеллы вторая глава,

по страницам размазана слёзно текущая
тушь, и
мотылёк вечеров меж листьями засох - он
удушен
миндалём цианидным в беззолоторудных
словах.

Я стою на перроне, и глядя в
просроченность виз,
понимаю - с такими не впустят в курьерский
ли, в скорый,
что везут за границу фатального, в утренний
город,
над которым фиалковый запах желаний
завис...

...тень уходящая...

День уходящий сумерки напряг;
залив в себя тоски зелёной вермут -
бесчестит солнце.
В горести безмерной -
оно безвольно прячется за кряж.
И ряд теней, что вечером бледны,
растёкся сплошь, заполнив всё собою -
и дно ручья, от света днём рябое,
и цепь каменьев, и седой ледник.
Огонь костра в неистовстве своём
бросает свет на трещины в оскале.

Боясь огня, стихает пир шакалий,
и ночь сползает с гор в один приём.
Зависла тишь. Луны кошачий глаз
полночным вором вылез на вершины
и будто жаждет зреть, как завершим мы
немой пожар, не выгорев дотла.
Черствеет хлеб, не мил рубин вина,
гнетущий лёд вгрызается в ладони,
полузабытых строк бесстыжий дольник
звучит внутри. До дольника ли нам?
Стихи сейчас - немыслимая блажь.
Горбатый ритм изматывает мерно,
не возбуждая, словно бром в кавернах,
и пластилином вытеснен булат.
В долине спит продрогшее село,
былое с нами там - уже остыло,
как в кружке чай.
Саднит, что было силы
об острый взгляд задетое крыло...

...долгие провода, почти поминки...

горячечный воздух опять иссушил гортань,
а губы как в мир междометий сухой портал.
чего мы хотели по-новой с тобой понять?
что незачем гнать издыхающего коня?
что нечего пить из сухого уже ручья?
но матч завершён,
и в итоге его - ничья.

насыщен озоном был воздух -
чрезмерно гроз
гремело над нашей поляной стихов и проз.
так много «о три» мы вдохнули вдвоём с
тобой,
что вирус любви был убит, как микроб
любой...

поминки по убиенному - вот мой крест.
их не получается справиться с тобой и без.

а всё потому, что останки любви
семь лет
никак не хотим мы предать, наконец,
земле...

...слышишь...

Смёрзлись дождейки желаний в большую
глыбу,
не охватить ни руками её, ни глазом.
Искры тепла между нами погасли, либо
весь кислород заместился инертным газом...
Дерево наше, как утренний алкоголик -
мрёт от похмелья и мучается от жажды,
так как привычка к напитку «Люви
раздолье»

нам представляется вещью уже неважной...

Вроде летим ещё вместе в подлунном небе,
след от инверсий в пространстве как будто
тёплый.

Слышишь?

А быль не вписалась пока что в небыль!

Знаешь!

А может, мы жару подбавим в сопла?..

...уйду бродить...

уже давно сухи мои глаза,
и лёд, что на ресницах был, растаял.
тайник души, коробочка - пустая.
могу, не веришь если, показать.

всё просто - приворотный порошок
из сердца онемением изогнан.
хоть память, словно свет карминный в
окнах,

гласила: а ведь было хорошо!
смотри, смотри: навскидку день любой,
где были мы растворены друг в друге
пока себя не выжгли в чёрный уголь,
имеет имя краткое - любовь!

когда бы не сожжённые мосты,
когда б я был могуч, как чёрный сталкер,
поймать бы смог в разрухе птичью стайку

прошедших дней,
чтоб в душу поместить.
и этих птиц кормил бы я с руки
пшеном времён, в которых пелись гимны
о нас двоих.

но стали мы другими, и ядом полон
корм от нас других.
вот потому - от слёз лишь только соль
в коробке тайн души моей пустынной.

чтоб горечь смыть,
пусть даже и простыну,
уйду бродить
в ноябрьский дождь косой...

...демон неизбежности...

последней фразы гвоздь в глухую стену
вогнан
напитка нелюбви испыт последний штоф
концерта третий акт гардинно скрыли окна
хоть незачем скрывать крикливое ничто
повоет голоса соседский пёс паршивый
нет не на пустоту а грубо говоря
от удивленья что певцы что так фальшивят
затихли и молчат который день подряд

избежности река закручивает омут
о коем ведал всё детерминист Лаплас

...и снова телефон...
...и снова голос томный
как Ленин в Октябре
захватывает власть...

...всё не так...

Мог я, конечно же, молча и враз уйти,
дверь притворяя под птичий ворчливый
гомон,
только вот ларчик для слов моих вскрыт и
сломан
в войнах солёных со взрывами фраз-шутих.
Если бы даже с рожденья я был немой,
в битвах таких непременно б язык наладил.
Молвят: молчание – золото, ну палладий.
В случае этом - случай с металлом не мой.

И, посмотрев как красиво ты спишь-не
спишь,
век своих дрожь в рукавицах держа ежовых,
в утро шагну, не сумев не сказать ни слова,
звуком ходьбы разгоняя рассвета тишь...

...есть впереди полустанок...

нет, я, наверно, пока что ещё живой,
не ощущаю вот только того никак,

словно забытый вагон от товарняка,
что в тупике, отрешённый ото всего.
пусто в мозгу, не скребётся там дажемышь.
что-то никто не несёт мне живой воды -
память меня, перед смертью своей, под дых
сильно ударила,
в сердце пустом щемит.
рельсы у дней бесконечны.
за стыком стык
полдни и полночи бьют, перепонки рвя.

...а подсознание точит надежд червяк:
есть впереди полустанок конечный.
...ты...

...околоугольное...

Дойду опять до этого угла,
глаза который постоянно ищут,
им этот угол что-то вроде пищи.
Бывает, значит, пища и у глаз.
Заматерели краски у весны,
готовясь впрыгнуть в жареное лето.
Везде покой. Вот только угол этот...
Он для меня - как рыба для блесны -
желанней нет.
Знать, время занесло
своим песком гранитный пласт обиды.
И яда слов на нём совсем не видно,

да и самих уже не видно слов.
А мозг всю свербит шальная мысль -
ступить за этот угол растреклятый,
нарушить вчуже брошенную клятву -
не пить вина с названием сладким "мы".
Собрать в кулак всю волю по зерну,
как перед первым самым трудным боем -
вновь до угла до этого с тобою
дойти вдвоём
и,
наконец,
свернуть...

...третий угол...

Исчерканы листы последних глав
романа под названием "третий лишний".
Тепло зачем-то, и зачем-то вишни
цветы раскрыли возле самых глаз...
Ненужное пришествие весны
закрасило зелёным траур веток.
Всевышний, наложи на солнце вето,
чтоб дня не видеть, видеть только сны
о пройденном однажды и былом,
когда тепло дарили шее руки
той, что пока не обрекла на муки,
с которой время бешено текло
и бешено текла по жилам кровь,
когда сады цвели в таком же мае...

...дай бог, чтоб жизнь, арены круг сжимая,
и ей не предложила б третью роль...

...страдания...

Там, за речкой, за далёкою,
где прилёт туман в излучине,
приглядел свою я лёгкую
и из всех на свете лучшую

В птичьих криках будто зов её.
Только смежу очи - вот она.

Голова моя садовая
ой, кручиною измотана.

Петь-плясать - никто не равня ей.
Выйдет в круг - народ от искр ослеп.

И теперь враги мне кровные,
на неё кто глянет искоса.

Смех её, что колокольчики.
Светел лик, хоть в красный угол ставь.

Не даётся, хоть и хочется
приобнять, да целовать в уста.

До рассвету подымается,
да ведёт хозяйство справное.

Два сезона долгих маюсь я,
опоили будто травами.

Я, как есть, как был горячечный -
утонул в озёрах глаз её.

А она - завидит - прячется.

Только знаю, что - согласная!

Из-под век полуопущенных
замечал я взгляды синие.

От того огонь всё пуще мой.

И согласья не спросив её,
я гребу во все уключины
вдоль по речке, за излучину
сватать девку, ту, что лучшая.

Ту, что так меня измучила...

...отрекушки...

Пока ещё петух не кукарекал
и в прах не превратился день вчерашний,

в котором ехал грека через реку,
чтоб зубы раскидать по мёрзлой пашне,
пока слова цитаты не померкли,
о том, что хороши не всяки дали,
лишь те, где девки чепчики кидали,
которые пошиты не по мерке,
пока лучами солнце не проколет
небесной сажу газовую толщу,
уставшую уже от звёздных полчищ,
молящуюся: "Бог ты мой! Доколе...!",
и на излёте силы чар и ласки -
уйдём, давай, мы к разным горизонтам...
...и станет одиноким нервный сон твой...
...и в лес сбежит с моралью вместе сказка...

Для тебя я теперь недоступен. Хоть днём.
Хоть с утра.
Пощади батарейки, занявшись делами
другими.
Результат не окупит тобою свершаемых
трат.
Я пою кораблям с параллельными курсами
гимны.
А ещё на глаза я планирую шоры надеть,
чтобы взглядом не выпасть из
внутреннемирной нирваны,
подберут, не дай бог, станут мыть его в
мёртвой воде,
отполощут в живой, проверяя: отмылся? не

рван ли?,
продолжая полдня телефон, как змею,
заклинать,
ожидая чудес от обыденной, в общем-то,
связи...
Параллельные не...
...не скрестятся ни под, и ни над...
...полумёртвые не...
...не боятся и двух эвтаназий...

...какие-то дали куда-то манили...

Пожалуй, уже не осталось причины
для самосожженья вдвоём без остатка,
когда и гореть так невыносимо сладко,
что просто мечтаешь родиться лучиной!
И не было как бы, вздымавшейся валом,
и грудь, и дыхание стесняющей жути,
что это не в жизни, в её промежутке,
и чёрная сила-то лишь зазевалась.
Какие-то дали куда-то манили.
Мелодий и песен пропето немало.
Но быстро мы что-то с тобой оклемались.
И будто прошли мы не более мили.
Про будничность лодки, так велеречиво,
как ноги втыкаем мы слово за словом
в трясину тугую с названием "повод".
И топит болото нас неизлечимо.

Пустырником слов нам любовь занозило -
на тельце тщедушном сплошные нарывы.

...уже не зевает и скалится криво
не без основания чёрная сила...

...отручивши...

Насыпана в горло из перца и соли смесь,
болючи попытки как плетью в ответ сказать,
что криком набатным мне стал
колокольчик-смех,
а встреч ожидаю, как вятичи ждут хазар.
Горячим в лицо ты, давай, поскорей плесни,
ни снега не дай мне - ожог остудить, ни
льда,
чтоб пали сомненья: вселяются бесы в
нимф,
а я как с Лилит поступил бы с тобой тогда...

Мелькают колёсными спицами дни и дни...
Крошится под гнётом потери победы мел...

В ненужность пустую отправив навек одних,
других приручить к себе надо сперва
суметь...

...чтоб петь...

Ты ножом арифметики первый росток не порань.

Остриями расчётов возможно и дуб
уничтожить -

так как ранят они побольнее, чем длань
топора

и зубастая челюсть пилы, разрывающей
кожу.

Пусть поплещутся в водах смятенья и
лопасть весла,

и совсем не смолёное днище совместного
судна.

А поток этих вовсе ещё не кипящих услад
остудить лишь одним мановеньем неловким
нетрудно.

Впереди - и пустыни, и ливни, и грохоты
бурь,

может даже - и четвертованья на месте на
лобном.

Очень хочется, чтобы невнятный словесный
сумбур

стал стихами для песни.

Для долгой.

И петь её чтоб нам...

...ещё...

Ещё немного постоим... Ещё немного...

Но как непросто с этим простеньким "ещё"!
Ещё на миг одна, совместная дорога,
и для Создателя пока совместный счёт...
Застряло солнце в аномально рыжих кудрях,
крылатый ветер зацепился за вихор...
Мы поступали столь мальчишески, немудро,
что не смогли достигнуть складности
стихов...

Полдневный зной распял две тени на
асфальте,
движенья губ сковало сухостью пустынь.
Ещё чуть-чуть - не станет песни, спетой с
фальшью,
её заменит бой колёс за стыком стык...

Ещё немного постоим. Хоть давит плечи
совместно нажитый семипудовый груз.

Не Бог-то весть какой сюжет.
Но прост он,
вечен,
как прост и вечен мир обыденный вокруг...

...сны о том, что - до...

Мне снова снится месяц молодой.
Так много в этом сне того, что до:
качели,
над репейником гамак,

китайская сирень,
лиловый мак
да тонкая дрожащая ладонь
в моей ладони.
Робости бразды
почти что сожжены,
их сладкий дым
глотаёт пара дюжин чертенят,
вселившихся как будто бы в меня.
И шёпот тихий: "Не было б беды..."
Желание... беду подальше гнать
побегами растущего огня.
А смелость где-то здесь, совсем близка,
так близко, что не нужно и искать...

Ожог о нежность, скрытую под платъ.....

Оборван птичьим криком сон.
Хоть плачь...

...нервность...

Взломать не получится старой личины.
Горит небулгаковски в печке тетрадка.
Устои, привычки, мотивы, порядки
надкусаны, пусть даже выглядят чинно.
Подмостки абсурда захлестнуты валом -
девятым, огромным, почти как цунами.
Вкруг тушки ошипанных чаек. Цена им -

полушка за дюжину, даже и с малым.
Окурками смятыми выглядят стили,
не вынес оркестр скоморошьего бала.
Соль истины запахи кухни впитала -
словарный запас ей здесь часто солили.
Острее покойническим носом лучина.
В межрамном пространстве - засушенный
овод.

Натужно смеются полночные совы
над тем, что в итоге...
...тем, что получилось...

...из дальней памяти...

Я не сгинул, не умер, не пьян, даже странно
- не болен,
хоть процесс преболезненный - что-то в себе
расшивать,
если сердце - наполненный иглами боли
желвак,
если фибры души съела горечь,
впорхнувшая молью.
Припоздавшее солнце в конечном итоге
растает,
луч последний опять горизонтом
разрежется вдрызг,
я осколки луча сам себе преподнёс бы как
приз,

если б их не украла злых гарпий орущая
стая.
Ну а ветренным утром закат соком выжатой
свёклы
отражается в стёклах ещё неумытых
квартир.
Саламандрой хотелось бы в зарево мая
войти,
но не выдержит кожа - от смены ещё не
обсохла.
И в холодных руках непомерно чужих
мирозданий
промерзает насквозь поминальная песня
огней,
фейерверком взметавшихся, чтобы
погаснуть на дне
ряской скрытого озера
образов
в памяти.
В дальней.

...драматурги. ада...

Долго раздумывать?
Вряд ли.
Возьму вот и выстрелю,
выдавлив с выстрелом едкое облако слов:
мол, ни к чему эта магия взглядов
препристальных,

ею разломы не склеить нам.

Мол, не срослось.

Позже, опомнясь, из памяти в рамочку
выделю

строчку, наполненных мёдом, корицей ли,
дней,

и превращу её в пьесу для двух злобных
зрителей,

что не составили тройку с звездой Денеб.

Медленно двигаясь по замороженной
млечности,

выйдут они межсценарными тропами в май,
где альгаиры и веги от тусклости лечатся,
первым раскатам и трелям пытаюсь
внимать,

чтоб, как и прежде, светиться на бархате
купола,

словно монисто на смуглой девичьей груди.

Только за зрителя-два не ручаюсь я.

Купит ли

он свой билет?

Пусть не купит...

Не стану судить...

...банальное...

По моим исчислениям - я
никогда о тебе не забуду!

Ты навечно моя теперь явь.

И плевать мне на все пересуды!

До звезды, что неистов декабрь,
что в лицо мне пуржат многоточья -
не забуду тебя на века,
не забуду на дни и на ночи...

Под ногами капустно хрустит
покрывало из белой пороши.

Будто ликом я - светел и тих.
О тебе вспоминаю, хорошей!

И мороз нипочём.
Будто пьян -
улыбаюсь чему-то прилюдно.

О тебе просто думаю я.

Просто думаем.

Мы.

Обоюдно!

...терпеть не станем пустоты...

Терпеть не станем пустоты,
переполняющей пространство.
Обид нелёгкок груз, но ты
вином наполнить дай стакан свой.
Лучом янтарным Шардоне
прожжёт молчанья душный космос.
Не жду сейчас ни "да", ни "нет",
мне б только туч свинцовых космы
сменить на ровный перламутр
дождём омытого рассвета.
Я знаю, хмель не так уж мудр,
но и не жду его совета.
Другого нужно: снегирей
напоминали чтобы щёки,
а слов речушки пусть скорей
вольются в бурные потоки
и превратятся в водопад,
в каньон совместных нег срываясь,
где губ кармин (да, не попад!) -
искать начнёт истоки рая.

Терпеть не станем пустоты -
лозой заменим виноградной.

Ни "да", ни "нет" пока, но ты...
...хоть на глоток, но ты мне рада...

...памятно-дымное...

Гребень холмов залит
светом. Он будь сладок,
если б не взгляд - сталью -
сер и упрям. Ладан -
запах пришёл вскоре -
вместе с дымком кофе.
Звёзды умрут в зорях -
красок кармин - кровь их -
льётся в окно кухни.
Сами себя спросим:
(мир устоит? рухнет?),
если в глазах осень?
Солнце блестит центом -
больше блестеть нечем,
если не ты - в центре,
и не прямы́ плечи -
тяжесть тоски режет.
К блузке твоей зависть -
так обняла! Мне же -
памяти дым глаз ест...

...жечься...

Взгляды-огни очень жгутся.
Ты тронь.
Тронь!
К позднему вечеру жара огней - пик.
Их погасить не сумеют ни тромб, ни бром.
Лишь прерываются шёпотом:

пить... пить!

Времени маятник слепнет и о-глох.

Утро.

Даже мерещится если -

- жаль!

Верить не гоже и тысяче Т.Глоб,

если нашепчут, что гаснет, мол, по-жар.

Просто ответить им надобно:

что? Да?

И не поверив, сказать им:

Ну нет! Блеф!

С тем помолиться и вышептать:

Бог!

Дай

жечься и жечься нам так сто лет!

...скрестите пальцы, люди...

Показав свой красивый затылок,

столь уверенно сделала шаг,

но, с ногой на излёте, застыла.

Я ответно застыл, не дыша.

Постояла секунду и плечи,

перекрёстно руками обняв,

зашагала стремительно в вечность,

ту, в которой не будет меня...

В горле ком, как холодная жаба.

И тоска подкольной змеей
шевелится под ложечкой, дабы
я почуял сильнее её...

Опрокинутый месяц из лужи
целит рогом в расстрельную тьму.

С тихим шёпотом: "Что же ты? Ну же?!",
вырываюсь из фатума мук.

Оттолкнулся от шара земного
и лечу. Но решил ли я сам,
что запомнить затылок - немного?
Нужно видеть сиянье лица!

Может, месяц холодный сподобил,
подмигнув?
И бегу я стремглав...

Люди!
Пальцы скрестите, а?
Чтобы
мне успеть к удивлению глаз...

...ты ведь помнишь?..

Глянцевый столетник - словно знак в окне...
На столе тетрадный,
в клеточку,

листок...
Строки - как дороги
в Рим -
всё время к НЕЙ...
Теплится надежды крохотный росток...

Образы смакует
(в этом он - гурман),
постоянно прячась в строчках-завитках.
Сизовато-синий стелется туман,
будто кухни гавань
скрылась в облаках.

Растерявши смысла горькое драже,
он перо макает в синь ночных чернил.
За барханом грусти,
между миражей -
огонёк, как отблеск
просьбы:
"Жизнь верни?"

Нам уйти бы лучше от стремнин таких,
где пороги
остро
режут душ тела...

Помнишь, как тянули плечи рюкзаки,
было всё равно нам:
сушь,

метель мела ль!
Шли, не разжимая
рук,
в глазах огни...

Кофе стынет.
Больно.
Грусть. Вины стена.

Отгони обиду,
просто - отшвырни!

Ты ведь помнишь?
Вместе
чудно было нам!

...ты. весна. ты - весна. точно знаю - вас
две...

Утро раннее. Солнце. Мне легко и светло.
Не шокирует надпись на подъездной стене.
Лужи больше не скрыты ледовитым
стеклом.
И я радуюсь тихо - тебе и весне.

Спать не хочется. Странно. Вот дороги река.
Лёгкий бриз пожимает руки-лапы сосне.
От весеннего ветра я пьянею слегка.
Тихо радуюсь, млея - тебе и весне.

И какая-то лихость распирает мне грудь.
Ям-ухабов дорожных будто вовсе и нет.
Улыбаюсь блаженно. В чём же всё-таки
суть?

А мне радостно думать - о тебе и весне.

Не страшит перспектива - день-деньской
суета.

Штраф гаишника - мелочь! Дело здесь не в
цене.

Запах ветра щекочет - он фиалковым стал.

Утро. Ветер. Улыбка - тебе и весне.

Перемешаны смыслы и слова в голове:

Ты... Весна... Ты - весна! Тает, тает же
снег!!!

Твердо верю теперь! Точно знаю - вас две!

Как я рад вам обеим - Тебе и Весне!!!

...рисую клетки...

Ты Расскажи, во мне нуждаешься настолько
ли,

что нужность эту можно в печь бросать
растопкою?

Чтоб в резонанс войти, большой ли силы
ток?

Воды напиться бы, до сладости истоковой...

Как две берёзы мы в апреле: раны, сок...

Чтоб вкус почувствовать, достаточно искусства ли?

Мы так зашорены вновь выбранными нишами...

Тону в весны предвестьях. Выплыву, спасусь?

Расстелют простынь лепестки цветов под вишнями...

На минус минус множим. Плюсы только? Пусть...

Без рамок жёстких, называемых пределами -

листки альбомные на стенах акварелево...

Песок подсох, и гибнет замка цитадель -
и потому глаза рисунков - как
расстрельные...

Рисуя клетки, раскрошился в пальцах мел...

...ощущение...

Вязь мелодий, почти наив -
путь к причалу по карте лоций.
Чувств и действий императив -
стимул верить и бороться.

Непрактичность кругов в воде -
как молитва при злой ангине.

У привыкнувших к доброте -
клинит ножны. Клинка не вынуть.

Суеты мелочей мирских
силлабические кортежи...

Помнишь, были мы так близки?
Ощущение есть:
снова брезжит!

...очень трудно сказать окончательно - да...

Я искал тебя долго, мучительно, трудно:
на свету, в темноте, за сезоном сезон.
Всё бывало: гроза, дождь осенний и нудный,
жуткий холод, жара, сквозь бессонницу -
сон.

Ноги помнят пески, буреломов завалы.
Я и пену морскую шагами сбивал.
На пути были дикие гордые скалы,
сто ущелий. Был снежный и злой перевал.

Я форсировал рек непослушных стремнины,
переныривал омуты и бочаги.
Сотни взглядов и рук от себя отодвинул,
ради взгляда и рук для меня дорогих.

Штурмовал я тоскливых болот злые топи.

В волны трав пожелтевших нырял я в
степях...

Шлях чумацкий, парсеками мера, протопал,
чтобы звёзды увидеть в глазах у тебя...

К слову "ищущий" в пару - "обрящет"
подходит.

Со словами решилось почти без труда.

Всё казалось: ну вот, я нашёл тебя вроде!

Очень трудно сказать окончательно: "Да!

...найду ли по себе...

Любил бы саламандру в плазме огненной,
но в пламя не попасть мне жгуче-красное.
В другой стихии нравятся особенно -
русалки. Но воды боюсь ужасно я.

Летал бы в выси светлой с милой ласточкой,
но с детства высота кружила голову.
С камней подземных снял бы ровно фасочки
-

- для Девки Медной. Страшно. Хоть и
здорово.

Я с Мавкою б леса-поля прочёсывал,
но - жуть и мрак - претит тоска болотная.

И Снежной Королеве плёл бы косы я.
Красивая она. Но ведь - холодная!

Найду ли по себе когда местечко я,
где ждёт меня хмельная и весенняя,
которая вся есть противоречие:
строга - распутна, первая - последняя?

Надеюсь и ищу весьма запальчиво,
такую, чтоб: беспечная, тревожная...
И шепчет провиденье тихо: мальчик мой!
Коль веруешь - обрящешь невозможное!

...когда болеет память...

Когда болеет память уходяще -
обветренные губы не вини!
Ты просто помни: был тот август слаще,
чем августов других любые дни.

А в настоящем - кочки и ухабы.
Милей и ближе прошлого печаль:
легко солёный ветер нёс кораблик,
в нём рук тепло и мы... Как мне ни жаль,

но запах ветра смылся, и на коже
остался лишь загар погожих дней.
Нескладен слог был, да и он, похоже,
уходит вместе с памятью моей...

...дождь и мы с тобой...

Мне обратный путь застигает дождь.

Жёсткоструйна стена упругая...

"Я останусь здесь? Ты назад возьмёшь?

Слишком узел завязан наш туго..."

Дождь повис с небес как растяжек сеть,

А громады туч будто падают.

"Без тебя мне песни своей не спеть!

Ты послушай того, с кем сладу нет!"

Капли словно дробь по стеклу стучат,

навевая тоску расстрельную...

"А недоброе - это сгоряча...

Не могу без тебя отдельно я..."

Накаляет страсть за окном гроза...

Полотно промокло дорожное...

"Я останусь? А?",- ещё раз сказал,

тронув прядь твою осторожно...

Струи мокрые в бубен лужиц бьют

и звенят воды колокольцами.

"Я опять свою жизнь к твоей пришью?

Непутёвый, но - доброволец я!"

Не стихает дождь. Кровлю мучая,

громыкает лозой струистою...

Есть же!
Есть просвет между тучами!
Ты оттаяла. Дай Бог выстоять

...сослагательное...

Весь изнемог, болею...
Только болезни - рад!
Рань меня, Лорелея,
ночи и дни подряд!

Как я мечтаю, Боже,
стать янтарём от бус -
нежиться в шёлке кожи,
пусть и недвижно, пусть...

Я бы полмира духом
отдал бы, даже два,
чтобы серьгою в ухе
стать, и шептать слова,

усталь прогнав, покой ли,
что - ты и свет, и клин...
Пел бы ручьём. Рекою -
в ухо слова б текли!

Быть бы твоей одеждой,
чтобы тебя объять!
Верой любви б, надежды

стал, если мог бы, я!

Мне б пробежать мурашкой,
тронув спины изгиб.

В мире пустом так тяжко!
Я без тебя - погиб!

...о грустном...

"Стою на расстанях..." - почти
как в песне старой...

В глазах распахнутых прочти
аккорд гитары -

до боли сжатое баррэ
на грифе гладком...

Весна стояла на дворе...

А нам не сладко...

...нечто геометрическое...

Переплетались вертикали...

Рождались двойственно нули -

мы бесконечность рассекали,
скользя по эллипсу Земли...

Влекло туда, где параллели,

где часовые пояса...

Мы вверх и вниз с тобой летели,

как будто стрелки на часах...

Скользить мешала квадратура,
торча из пухлости кругов...
Такая, друг, архитектура...
Такая странная любовь...

...нам завидовал сам Казанова...

Стало сереньким небо Стамбула,
желчью вышел апломб Италии!
Ты в объятьях моих уснула,
а всю ночь мы с тобой летали!

Нам завидовал сам Казанова,
подавилась слюной Камасутра!
Ну а мы с тобой снова и снова
наступать не давали утру!

Слов таких не нашёл бы Петрарка,
а Стравинскому нот не хватило б,
чтоб суметь рассказать о яркой,
нас в нирвану сносившей силе!

Все друзья распростят нам обиды,
а враги позабудут о мести,
если утром с тобою я выйду,
если выйдешь со мною ты вместе!

...возвращение...

Знойный воздух и тени недлинные.
Небо в перьях от птиц-облаков.
Холм зарос тополями былинными.
В этой зелени - домик из снов.

Солнцем схвачена глина белёсая.
Нить дорожную - вечности суть -
отмеряю шагами-вопросами...
Мне теперь - только лес обогнуть.

Лес настоян на воспоминаниях.
Птичьим гомоном - мысленный грай.
Скрип калитки - взахлёб, с причитаньями.
Под ногами ступенек игра .

Дверь навывлет - без стука открытая.
Выстрел глаз обжигающе-строг!
Где, решимость, хмельные пиры твои?
Словно столб пограничный - порог.

А над садом - жаровище летнее -
греет горечь на ветках калин.
Нарушаю границу запретную.
Рву неловкость, как нить паутин.

Первый шаг, первый миг - очень трудные.
Пальцы к пальцам - и сточена грань.

Скажешь тихо и вовсе не грубо мне:
"Наказанье моё... Наказание... "

Смыта горечь из сердца надсадная.
Тихо чайник поёт на плите...
"Здравствуй, снов моих нежность отрадная
и бессонниц тревожная тень!"

...привязав предварительно камень...

В тихий омут нырну топором,
привязав предварительно камень.
Не сумел я дожждаться паром
и тебя, с голубыми глазами...
Бросишь может с причала венок,
обозначив утопшую память?
Глядь, всплакнёшь обо мне,
как в кино
потрясая худыми плечами...

Затрепещет от вздоха нутро,
станут лёгкие словно баллоны.
Не нашёл ни дорожек, ни троп
я к тебе,
не изведаль и лона...

Набежит на побережье волна,
проблеснут в ней чешуйками рыбки.

...

"Утонул", - удивится она.
Я другому давно отдана.

Удалится змеюкою гибкой...

...недосказанное утро...

Предрассветное "прости".
Предпоследнее "прощай".
Зазвенел будильник, стих.
Тканый коврик. Пол дощат.
На комод - латунь ключа,
как ненужный атрибут.
Взбаламучена печаль.
Душно. Тесно, как в гробу.
Стуком просится в виски
метрономная мигрень.
Концентрация тоски.
В пальцах стужа, не согреть.
Нерастраченный аванс.
Пересоленная снедь.
Обесточенный трамвай.
Холостой апрельский снег.
На губах застыл ответ
на витающий вопрос.
Сухо грохнувшая дверь.
Недосказанное: "Про..."

...два монолога М.Н....

Жизнь моя до крайности пуста.
Дайте яду! Где найти мне яд?
Прижимаю пальчики к цветам...
По Арбату ... Я или не я?

Вышла погулять в последний раз...
Лишь затем... Лишь, для того, чтоб... Для...
МАГИЯ! И взгляд колючих глаз...
Час спустя - гуляем у Кремля...

Будто бы знакомы сотню лет...
Мы расстались будто бы вчера...
Майский день. В канаву - жёлтый цвет!
Он сказал, что розам только рад.

Молния, знаменье! Острый нож!
Финский нож любви обоих - в грудь!
Миг иль вечность? Миг? Мгновенье? Что
ж...
Так сладка мгновений острых жуть!

Не встречаясь, мы любили - век!
Оказалось - мы друг друга суть.
Нож любви в предсердии - не грех!

Осени перстом, наш, краткий пусть,
Господи, но пусть совместный путь...

Разрывалась липкость белой ночи
рыжим треском, хлопанием окна.
Разлетался сон спокойный в клочья,
а в висках стучала тишина.

Двери настежь - дайте мне метёлку!
С рыжей гривой - прочь отсюда, прочь!
Пусть искринки кожу жалят колко,
пусть горит всё - мне уже невмочь!

Не держите! Лучше - прогоните.
И срамить не надо наготой!
Вам спокойней? Что же - прокляните!
Мой удел - огонь. А ваш - покой.

Словно вены - реки под ногами.
И метёлка мчится сквозь туман.
Плакать? Нет! Мне скучно было с вами.
К чёрту низость, пошлость и обман.

Это ль жизнь?- усадьба с мезонином,
Лавки, трёп, трамваев теснота.
Тётки, что бегут за керосином
и пинают чёрного кота.

Улетаю. Оттого, что знаю -
так, как вы - я не сумею жить.
Километры в ленточку сплетая,
я лечу шабашить и бузить!

Душу продала. Но волю, мысли
не продам. Да только их не скрыть.
Лиц не видеть больше тусклых, кислых!
Стёкол треск... Потоп... Арбата нить...

Пять кругов неведомого ада
в тишине квартиры пятьдесят.
Выхватить немой вопрос из взгляда.
Спирт и сера. Долгожданный взгляд.

Не просить! Потребовать, притопнув,
в склянке алый яд - хмельную суть.
Мирозданье, в подсознание лопнув,
в Путь отправит. Млечный. Долгий Путь.

Я спешу! Невидима! Свободна!
Ночь накрыла Гефсиманский сад.
Запах роз, кому-то неугодный.
Рукописи. Те, что не горят.

...ты мне нравишься очень...

В темноте и при свете.
В мегафон.
между строчек -
я скажу тебе это:
ты мне нравишься очень!

Где б я ни был сегодня:

под Москвой, или в Сочи,
Кишинёве, иль Гродно -
ты мне нравишься очень!

Два десятка столетий.
Бег у времени точен -
начинается третий:
ты мне нравишься очень!

Слов обычных четвёрка,
но сумевшая, впрочем,
просочиться в подкорку:
ты мне нравишься очень!

Монолит этой фразы
удивительно прочен!
И сверкает алмазом:
ты мне нравишься очень!

Завершив Мирозданье,
вывел лучший из Зодчих
уравнение-признание:
ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ ОЧЕНЬ!

...я всегда о тебе вспоминаю...

Даже если я просто иду
От начала пути и до края,
По дороге ли мокрой, по льду -

Я всегда о тебе вспоминаю!

Даже если забот полон рот,
Иль задача, отнюдь, не простая,
Как пасьянс из полсотни колод -
Всё равно о тебе вспоминаю!

Даже если забросят дела -
Где дожди и палатка дрянная,
Или стужа по-волчьему зла -
Я и там о тебе вспоминаю!

Слышу голос кларнетов и флейт -
Будто опера птичья лесная -
Испаряется хмурости след!
Почему? Я тебя вспоминаю!

Не старайся! Не купишь билет.
ТЫ ИЗ ПАМЯТИ - НЕВЫЕЗДНАЯ!

Вот... Опять начинаю я млеть...
Потому, что тебя вспоминаю!

ОКОЛОПИСАЧЕСКОЕ

...посетилище...

...рифмы, б́удто бы мухи, роятся
над листом, ослепительно чистым.
чтобы летним не слыть тунеядцем,
я решил исписать белый лист тот...

дни сумели-таки удлиниться,
и теперь полетели ракетой.
просветлели июньские лица,
словно образы песенки летней.
даже если сезонно промокнет
городская асфальтная кожа,
мне приятно разглядывать в окнах
отражения луж и прохожих.
раскуделилась сладкая вата
в небесах ослепительно ярких.

наконец-то рябину сосватал
тополь влюбчивый в стареньком парке,
затреньчали скворцы беззаветно
и летят вертолётники с клёнов,
у сирени обломаны ветки -
это сделал мальчишка влюблённый.
закавычился страх послезимний,
смылся ливнями мусор лежалый.

муза, эй, продолжай, говори мне!

...нет, к другому, похоже, сбежала...

...стихонесмешение...

Слова не рождались в моём мозгу,
а будто текли с небес.
И лопалась кожа усталых губ,
шептавших стихи тебе.

Я самонадеян и даже смел,
но самонадеян - сверх.
Стихи у тебя вызывали смех,
и смех был похож на смерть.

Запнувшись, дыхание сбил стихам,
собою закрыл им свет.
Надеялся - станет поток стихать,
подобно ночной листве.

На миг я смятению волю дал.

Строфа за строфой полёт
мой стих, разучившийся вмиг летать.

...так - смехом убит полёт...

...короче, такая песня...

Работники биржи восемь вчера победили в кроссе. Бежали в обед и в ужин. Был каждый их член натружен. Сотрудники кассы девять манили зачем-то девок. А босс их, майор Каманин, не девок манил, а мани. В колхозе «Быки и тёлки» пекли пироги для полки. И в хвост их пекли, и в гриву, а жили кто вкось, кто криво. В компании «Морг энд дроги» к жмурам относились строго. Потом провели рестайлинг. Совсем хоронить не стали. На базе завода «Трубный» жилось непомерно трудно. Грозил путёвка в лагерь, а в лагере - ржа и влага. В столовой «Мирская кухня» от голода часто пухли. Житья не видать людского. Всех хуже не видит - повар. В больнице посёлка Стылый давали зарплату мылом - почти что всегда со свистом. Зато и лечили чисто. Короче, такая песня. В ней что ни куплет - то первый. И надо б молчать, хоть тресни, да

сущность не хочет, стерва...

Из радуг, отмытых дождями, был замок наш
выстроен.

На спектр и на блеск не влияли ни грозы, ни
злость.

Но капли росы семицветной иссушены
быстрыми

залётными ветрами. Где теперь замка
колосс?

Одни говорят: мы его поздним вечером
видели.

Другие: позвольте? Стрoения вовсе и нет.

А третьи - те просто стоят, как безмолвные
зрители,

как будто винтовкой их кто-то приставил к
стене.

Но замок теперь растворился расклёванной
печенью

в желудке орла, у которого крыльев размах -
вполмира - точнее измерить его просто
нечем мне.

Ну ладно хоть кончилась долгая эта зима!!!

...сучье...

О прекрасных странах,

о далёких далях,
о народах странных,
о конях педальных -
написал бы я бы,
но - ни сил, ни дури.
Бьют хореев ямбы,
дактиль жрёт, да курит.
Непотребства только
в голове витают
о каких-то польках,
что живут в Китае.
Мне бы выпить рому,
спеть о Кубе громко,
из спиртного в доме -
только йод с зелёной.
Разбежались строки,
расплескались рифмы.
Нет в берёзах сока,
как и струн на грифе.
Расселились живо
пауки и жабы
по катренам лживым,
да по нотам жадным.
Топчут небо тучи.
В ранах перец с солью.
Воет дух по-сучьи...

Удавиться что ли?...

...кровожадный Пегас...

Я кормил овсом и сеном Пегаса,
даже пробовал давать ему морковку!
А он цокнул по надиру подковкой:
"Ты мне дал бы свежей крови и мяса!"

Я разжился мясом мифов и басен.
Кровь качал из жил стиха, сердца песни.
И, отплёвываясь пеной словесной,
ел и фыркал конь. Красив и ужасен.

Ждал, что к вечеру схороним Пегаса.
Некролог весь день писал ему в рифмах...
А он бежит себе в небесных рифах,
щиплет надписи на склонах Парнаса...

Сено пахло вдохновением будто...
Я терпел, хотел дожидаться рассвета.
Раз не сдох, скормлю стихи коню нетто.
Не донёс... Так тяжелы они брутто...

...если...

Коль случается порой грусть -
я гоню её в поля строк.
Не держу в себе такой груз,
а иначе - приговор строг!

Скажет кто-то: "А ведь он груб!
Изливает из себя желчь!"

Хрен им, а не молодой труп!
И не стану синим, как "гжель"!

Если чую: терпежу нет -
то стило точку, и с ним - в бой!
Ясно даже и ежу: мне б -
в клетку ль лист, в линейку - лю-бой!

Грифель страстью накалю - вмиг!
Что твой Гоголь - стану жечь! Жуть!
Разгонюсь, как с полосы МиГ,
или будто - сапоги жмут!

Разольюсь, как сотня рек - в март.
Забурлю большим котлом щей.
Или, скажем, я - топор, взмах -
и летит капуста строф с шей!

Не держу: печаль, тоску, зло -
иль съедят они, как сталь - ржа!
Я хватаю карандаш-лом
и в бумажный лёд стихом -
ЖАХ!!!

...вредный совет пишущим...

Заморожены стихами, а без слов, без умных,
ломка?

Заболочены наркозом странных образов
хмельных? -

что ж - к чертям - без парашюта кинем за
спину котомку
и скорее в небо взмоем на пропеллерах
стальных!

Прыгнем вниз и разлетимся в лоскуты и на
ошмётки.

С видом глупым или умным разобьёмся в
пыль и дым!

А остатки наши бранны волки сгложут до
подмётки.

Им не быть теперь голодным, на луну не
выть больным!

Стая серых не оставит ни кусочка, ни
росинки,
будет чавкать, подъедая те осколки,
лоскуты.

Для чего-то мы летали и откинули ботинки?

Пир горой у стаи волчьей. Под нажимом
кость хрустит.

Так летите! Так сигайте без страховки в лес
дремучий!

Головою вниз из люка рассыпайтесь, как

дрова!

Вас и МЫСЛИ волки сгложут, налетев
большою кучей!

Нет останков. Снег подъеден.

Но разносится молва:
заморожены стихами, а без слов, без умных,
ломка?...

ОКОЛОМУЗЫКАЛЬНОЕ

...один давнишний вечер...

трёт перепонки хрипло
"Бип-Боп" луне
песня любима пиплом
а Полом - нет
Линда пригожа Полу
народу - Пол
танцы
там бьёт полшколы
копытом в пол
залиты лица потом
до самых шей
как-то не до Пол Потов
не до Моше
завуч желтей чем осень
да и мертвей
как же они проносят
сюда портвейн
но ведь не в пьянстве дело -
важней плюмаж -
выпил глоток -
и смелый
чтоб тискать Маш
смотрят вожди со стен - ах
под Джетро Талл
Саша танцует Лену
с рукой не там
"прима" идёт по кругу

не жди - кури
сквозь вокализ упругий
Ф. Меркьюри

счастья всегда так мало -
как дня у зим
Сьюзи несёт над залом
последний сингл

ну и на бис всей школы -
"Тиз гёл" от Слэйд

Линда уходит с Полом...
...за детством вслед...

...лето. утро. ноты...

Пронзало утро сквозь пространство в "ми",
заставив блекнуть звёздную фасоль.
Восток-маляр окрасился в кармин,
седой туман разучивает роль.

Вот птичий крик на сип перескочил -
сорвал свой голос утренний солист.
Полями бродят жирные грачи -
в их перьях все цвета пересеклись.

Край солнца вылил в утро "до-мажор".
Напившись ночи, выпала роса.

Раскинул руки ветер-дирижёр
и разложил свой шум на голоса.

Болотный дым - как едкий септ-аккорд-
разбить готов строй звуков в диссонанс.
Но жив оркестр, всему наперекор -
плетёт венок из утренних сонат!

...я сорвал голос...

Я сорвал голос на "От сувенира к сувениру".
Не далісь мне Руссос и пенье кастрата.
А хотелось до жути показать всему миру,
что и это по силам обычным ребятам.

Вздрогнули пары от хрипа оборвавшейся
ноты...
Стон бас-гитары шарахнулся зычно.
Только Димка не слышал и выделявал что-
то,
коктейльно вливая в Демиса рифы Ричи.

А ведь танцы в разгаре. Нужно не дать
остыть полу!
Тела разгорячённые движения жаждут.
Чаку Бэрри спасибо и его рок-н-роллу -
они выручали нас уже не однажды.

Кругло-ровно неделю - шёпот и чай стыло-

тёплый.

Горло перевязано бинтом больничным.
Позабыт пока Гиллан Ян из Дип Пёпла -
спеть его партию и мечтать неприлично.

Наплевать на врачиху, дыру в её в зеркале
круглом.

В небе лазóревом облаков кудри.
И пускай мои связки сгорают до углей -
рефренирую с Байроном "Июльское утро"...

КАК БЫ ДЕТСКОЕ

...всего лишь три...

Ну как же так-то?
В самом деле!
Каким богатым был!
И вот -
раздавлен горем.
Карамелек
осталось только три всего.

Погас торшер.
Задвинут шторой
манящий дворик.

Нужно спать.

На завтрак "геркулес",
который
врач кушать требует опять.

Цедит овсянку еле-еле.
Стук ложки в блюде вскоре стих:
"Изобрету из карамели
я кашу.
Только б вырасти!"

Вчера душа конфетным счастьем
пылала сладко!
Сладко!
Да!

Зачем же Максу,
Тане с Настей
он щедро все почти отдал?

Карман проверит осторожно
ручонкой.
Локти хоть кусай,
хоть плачь -
как мало!
Разве можно
лишь три конфетки в детский сад?!

...кукольный вопрос...

На кривой берёзе, возле дома
(только повнимательней взглядишь!),
брошены,
забыты,
не искомы -
купол красный и парашютист.

Получив задание и сроки,
из рогатки выстреленный ввысь,
предан командиром был жестоко
маленький солдат-парашютист.

Злым потоком брошенный к берёзе
(стропы и листва переплелись),
парашют
(приказ!)
с себя не сбросив,
на ветвях повис парашютист.

Никому не жалуясь, не плача,
но не в силах перебраться вниз -
под дождём ли, под лучом горячим -
день за днём висит парашютист.

Красный купол вьётся, словно зная -
стоит только ветру разойтись.
Сдался командир.

Но сдал экзамен,
стойкость проявив,
парашютист.

Подступает время льдов и стужи.
Снег накроет Минск, Москву, Рязань...

Оглянись и вспомни!
Ну же?
Ну же!!!
Не бросал ли ты кого в десант?!

...взрослая форма детских мыслей...

И я когда-то выйду из дверей
с названием «детство», плачь ли, негодуй -
в каком-нибудь из новых январей,
в каком-то наступающем году.

Помчусь по высям, далям и полям,
катнусь по блюду тюрем и свобод
туда, где ленты троп вовсю пылят,
где млечен путь сквозь чёрный небосвод.

Питаться стану музыкой стихов,
и пить взахлёб страстей людских вино.
Жать буду руки буйных и тихонь,
играть на лютне, нервах, в казино.

Познаю славы, может быть, лучи,
падений глубь и вкус «вдовы клико»,
в надежде опыт водный получить,
я обожгусь сто раз об молоко.

Деревья с домом высажу на грунт,
кого всевышний даст, рожу того,
приму, наверно, общества игру,
где человеку - друг (хоть жутко) волк.

Я буду петь, возможно и плясать,
любить и бить, и быть всего поверх.
Блудить, (ну да!), и не всегда в лесах,
и убеждать кого-то, мол, поверь!

Дойдя до мест, где видима черта,
не дай-то бог в ребячий возраст впасть!

Не, я расти не стану ни черта!!!
Обдумал вот.
И взрослым быть - я пас!!!

...виват аппендициту...

Тайм не доигран. В бочине - боли.
От стычки с Колькой - саднят сусала.
"Аппендикс что ли? До баскетбола ль?",-
учитель вывел силком из зала.

Горело жаром аппендицитным
почти всё тело, живот кирпичный.
Испуган доктор и пишет: СТО!
И, глянь, в карету сажает лично!

"Чего сидел-то? Пришёл под вечер.
Отдать желаешь башку под молох?"

Ну как расскажешь? - старушек вече:
"Пущать не станем. Потерпишь! Молод."

А столбик ртути превысил сорок.
Лицо бумажно. То ль бред. То ль едем.
Сиреной вечер февральский взорван.
На нервах фельдшер и тоже бледен.

Подвёл Валерка. Зайти что ль трудно?
В незнанке предки. "Да где ж он? Эх, ма!"
Искать ходили три раза к пруду.
Играл в хоккей, мол, да в прорубь въехал.

Каталка. Двери. И много света.
Хирург усталый в костюме синем.
"Не бойся, паря! Не страшно это.
Кишку слепую сейчас мы вынем."

Живот кололи на штык похожим
огромным шприцем два эскулапа.
И - шмыг скапелью по йодной коже.

Кровищи - море. Мне видно в лампу.

"А ты молодчик! Лежишь без стонов.

Я слышал только - зубами клацал.

Годков-то сколько?"

"Учусь в шестом я,

ну, то есть, лет мне сейчас - двенадцать."

Наркоз закончил свою работу,

когда осталось живот заштопать.

"Чего заёрзал? Пацан! Эй! Что ты?

Анестезин-то... Эх, ёлки, чтоб тя!"

Шил по живому советский доктор.

Бесплатно, стал быть? Оно - конечно.

Но в уговорах хирург был дока.

"Терпи, парнишка. Я швов уменьшил".

Зашитым, новым - кладут в столовой.

Так хирургия. Палат нехватка.

Под утро тошно запахло пловом.

Рот полон желчи. Совсем несладко.

"Вот утка, мальчик.", - под звоны мисок

сказала вскоре сестра седая.

"И как я буду при всех тут писать?"

"Загорожу хоть тебя, вот, дай я."

"Совсем паршиво?"
"Мутит и больно.", -
ответил хрипло сестре Фаине.
"Сейчас подлечим.", - и сердобольно
вкатила в руку мне кофеину.

Вернулась быстро, уйдя куда-то.
"Вставай, родимый!"
"Вставать?" - я в шоке.
"Идти придётся вон в ту палату.
Вставай! Мужик ты! Быть должен стойким!"

В палате двое. Один - ровесник.
Второй - постарше, из выпускного.
Ровесник весел. И интересно
ему знакомство с соседом новым.

Но мне тошно. Достала горечь
во рту от желчи, до дури едкой.
А на пороге возникли вскоре
с огромной банкой бульона предки.

Узнали ночью: "Свезён в больницу.", -
когда Валерку прижали к стенке.
Печать тревоги на серых лицах.

Обход. Им доктор: "Жить будет Генка!"

Температурил. Пенициллином

шесть раз за сутки три дня кололи.
И бок весь правый стал жутко синим.
Отлѐжен левый. Спать стоя что ли?

Сосед-ровесник - смешил, зараза.
Травил и байки, и анекдоты.
И швы кровили уже три раза.
Не закрывает нарочно рот он!

А старший (с грыжей) учил билеты.
Читал на память стихотворенья.
В уме остался момент вот этот -
примерный снимок того мгновенья:

любая фраза - как взмах мачете -
гнусавый голос, почти поповский,
что Ленин будто близнец там чей-то,
и что историк был Маяковским.
И про штаны он, и красный паспорт,
о чѐм-то нетто, и змейках улиц.

Недавно понял, чьей был я паствой,
когда, вдруг, рифмы во мне проснулись.

Швов недостача сказалась после.
Живот порезан был шовной нитью.
"Домой? Нет. Рано.", - врачом отослан, -
"Скулить не нужно. Ведь ты ж не нытик."

"Что? Трое суток?"

"Не больше."

"Ладно."

Мечтал о шайбе, о клюшке "Koho".

А тот, что с грыжей, в тиши палатной
читал мне Блока совсем неплохо.

Почти что месяц пропущен в школе.
Нагнал в неделю. Видать, не дурень.
Сосед виною (ну с грыжей) что ли?
Стал ждать уроков литературы!

Наверно, парень просыпал семя
стихов
в канавы моих извилин.
А вскоре - всходы. И стал не нем я.
А позже - рифмы уже явились.

Так Рок просеял меня однажды,
страдать заставив, чрез божье сито.

Скажите, это бывает с каждым?

Виват и слава аппендициту!

...жили у бабуси. подражания...

Пушкин...

Моя бабуся байки травит...
Используя бабусин слог,
По полной "Паркер" свой заправив,
Рассказ о ней впишу в листок.

Гроссмуттер, от чрезмерной скуки,
Двух гусаков взяла в науку.
Возилась с ними день и ночь,
Прогнав с двора скотину прочь.

Два гуся, взятые на царство,
Сбежали к речке погулять,
Пыль с лапок смыть и понырять.
Была река им, как лекарство!
Плыл серый гусь, пером рябя,
Плыл белый, ряску теребя.

Рыдала бабка по повесам,
Не чая их застать в живых.
Рыдала до потери веса,
Не зная будней, выходных.
Пришла беда совсем незваной.
"Ах! Не купила я им ванну!"

Услышав бабкин плач, тотчас,
Без экивоков, выкрутасов,
Бегут гогочущие братья,

Через осоку и ковыль,
(Ох, не снести им головы!)
На бег все силы поистратив,
К бабуся в двор, главы склоня...
...И прощены к исходу дня...

Маяковский...

У бабуси
.....был
.....грешок -
Прикупила
.....чохом

Двух гусей .
.....Размер -
.....с вершок.
Серый с белым.
.....Крохи.

Сладу
.....с гусиками
.....нет.
Веселы
.....мальчишки -
Разберут

.....велосипед,
Поистреплют
.....книжки.

То средь ночи
.....запоют,
То засовом
.....лязгнут.
Раз - устроили
.....салют
В луже
.....очень грязной.

Чумазейные
.....теперь -
Нет грязней
.....на свете!
Ну какой
.....они пример
Преподали
.....детям?

Похватали
.....брусы
.....МЫЛ,
Выбрались

.....из плена.
Моют в луже
.....перья крыл,
Лапы мылят
.....пеной.

Вот
.....и вычистились
.....все.
Только долго
.....сохли.
Ищет
.....бабушка
.....гусей.
Утонули?
.....Сдохли?

Слышен
.....громкий
.....плач
.....бабусин,
Аханья и
.....охи:
"Где вы,
.....где вы,
.....мои гуси?
Поступили

.....ПЛОХО ВЫ!"

Услыхыли

.....крик

.....гуськи,

крик

.....тосклив до

.....крайности.

Навострили

.....в двор

.....мыски,

В дом -

.....и бабке

.....кланяться!

Визбор... (На мелодию - Серёга Санин...)

Одна бабуся проживала без коровки -

Где взять ей сена? И нет литовки...

Зато держала двух гусей для тренировки.

И эти гуси были - "вери гуд!"

Припев:

Гусь серый, гусь белый -

Весёлый дуэт.
"Га-га" то и дело -
Печали им нет.
Бабуся ворчливо
Готовит обед.
- Эй, гуси, пришли вы?
Ей гуси:
"Привет!"

Решили гуси лапы вымыть у канавки,
Но у бабуся не взяли справки!
А в этой луже очень страшные пиявки,
Пиявки эти крови много пьют.

Припев:

Гусь серый, гусь белый -
Весёлый дуэт.
"Га-га" то и дело -
Печали им нет.
Бабуся ворчливо
Готовит обед.
- Эй, гуси, пришли вы?
Ей гуси:
"Привет!"

Три дня проплакала, рыдаючи бабуся:
"Ушли-пропали. И где ж вы, гуси?
Найдитесь, милые, не то сейчас взорвуся!"

Сейчас сломаю в садике я прут!"

Припев:

Гусь серый, гусь белый -

Весёлый дуэт.

"Га-га" то и дело -

Печали им нет.

Бабуся ворчливо

Готовит обед.

- Эй, гуси, пришли вы?

Ей гуси:

"Привет!"

Что тут поделать? Нужно слушаться хозяев!

А гуси были - не разгильдяи.

Уже бегут! Их бабка радостно встречает.

А гуси ей поклоны лихо бьют.

Припев:

Гусь серый, гусь белый -

Весёлый дуэт.

"Га-га" то и дело -

Печали им нет.

Бабуся ворчливо

Готовит обед.

- Эй, гуси, пришли вы?

Ей гуси:

"Привет!"

Высоцкий... (Если друг оказался вдруг...)

Без отгулов и выходных
И без слёз, что наводят грусть,
Жили в качестве двух родных
У бабуся два гуся.

Один белый, как пена волн,
А второй был серее сов.
Пели вечером бабке соул,
Запершись на засов.

Лапы вымазав как-то вдрызг
И вину свою осознав,
Белый с серым рванули в рысь
К водной глади канав.

Один белый, как пена волн,
А второй был серее сов.
Чтоб не пачкать в избушке пол,
Мылись, будь ты здоров.

Видя, что опустел загон,
Испугалась бабуся - жуть.
Стала плакать и в крик, и в стон,
Чтоб гусей помянуть.

Один белый, как пена волн,
А второй был серее сов.
Дом бабусин слезами полон
От углов до углов.

Услыхавши бабусин рёв
О пропаже двоих гулён,
Серый с белым бегут под кров
И хозяйке - поклон.

Один белый, как пена волн,
А второй был серее сов.
Поклонились бабуся в пол...
Лепота, что нет слов...

...письмо юного курильщика другу...

Я в апреле подрос, прямо просто за миг,
и привычки больших мне уже по плечу!
Между пальцев в руке сигарета дымит!
Я торчу. Я торчу-у! Я! Торчу!

Утром пачку "L&M" у отца уволок
и курю, не боюсь, представляешь, Митяй?
Ну... Маманька из чуба мне выдерет клок,
но зато: Не слюняй! Не слюняй!

Нет, прикинь, я дымлю среди дня, не в
ночи!

Мне прохожий какой-то чирикнул огня.
По секрету, Митюха, смотри, ты молчи
про меня, про меня, про меня!

Только с кольцами сложно. Засада. Вот,
блин...
Научусь! Как факир! Что малой я - враньё!

Всё кружится вокруг: и вблизи, и вдали...
А из глаз: вороньё, вороньё...

...вопреки Незнайке. пакля...

Затыкаю паклей
Дыры в стенках сакли...
Тут теплее с паклей!
Ей же ей! Не так ли?
Мёрзли мы без пакли,
Кашляли и чахли...
Не было б тут пакли -
Жабы тут бы квакали,
В дырах, где нет пакли -
Звёзды, как в спектакле...
Мы бы долго плакали,
Не имея пакли...

Рифмы не иссякли,
ПРОСТО МАЛО ПАКЛИ!

Что-то вы размякли!
В магазин!!! За паклей!!!

ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

...не пишу я о войне...

Не пишу я о войне.
И не спрашивай.
Что хорошего-то в ней? -
Морда страшная -
в язвах.
Копоть.
Страшный зуд -
вошки с блохами -
тело пробуют на зуб.
И просохнут ли
сапоги -
четвёртый день
глины месиво.
Лихорадка от дождей -
осень, бес её...
Хруст песка в попытке грызть
хлеб с горчиною.
Перемешан дух махры
с мертвечиною.
В струпьях правое плечо.
Водка кончилась.
Не заманишь калачом,
даже пончиком,
о войне писать чтоб, верь.
Крайне мерзостный
белый тоненький конверт:
"...муж Ваш без вести..."

Вой, сползание по стене
по некрашенной...
Не пишу я о войне.
Очень страшно мне...

...героям вчерашних битв...

июнь всё пространство накрыл собой
и будто тревоги нет
и словно полки не идут на бой
в предутренней тишине
пусть враг потеряет убитым счёт
а мы не заметим трат
богами заочно любой прощён
за праведный бой с утра
расплавленной медью зовёт горнист
колоннами лечь в полях
смешались в атаке и верх и низ
и в небо ушла земля
взмываются души - где свет так бел
где каждому рай открыт

а в поле недвижны -
сто тысяч тел
и мельниц полста без крыл...

...пять секунд...

лес скрывает

махровой
полоской
юг
добежать
доползти бы
раком
в землю вгрызся
зубами
и злость
кую
кулаком
на обломке трака
переждём перекурим-ка
братка
мы
пот впитаем
бельём исподним
да и выберем
снова
тот краткий
миг
когда падь
от свинца
свободна
или золотом
грудь
будет вся
светить
иль в кустах

головёнка
будет
буйный ветер
с высоты
как-будто
стих

будем жить
прощайте люди...

...один из трёх...

Один раз в год, а чаще - просто трудно,
(и этот раз давался нелегко),
они встречались в парке возле Трубной,
сглотнуть пытаюсь твёрдый в горле ком.
Им больно говорить, что их так мало:
часть большая - лежит в лесах, в полях,
часть меньшая - совсем короткой стала,
впитала многих - лет преклонных хлябь.
Столичная по сотке в трёх стаканах.
В четвертом тоже сто, но сверху хлеб.
Цедили по глотку за тех, кто канул
в военной и послевоенной мгле.
Второй глоток за Родину, конечно,
за Сталина, конечно же, глоток.
А Шлях Чумацкий - звёздный, бело-млечный
давил на них могильною плитой.
Настанет вскоре новый месяц пятый.

Фонтан забьёт, играя и шая,
в девятый день и мая, и солдата.
Один из трёх - обрёл Чумацкий Шлях...

...долгомытарское...

...время настало - надо долги взимать.
не увернутся - шут ли, толмач ли, хан.
мытарю всё едино - весна ль, зима.
ты запрягай скорее, не спи, лихач.
поразвернёмся вширь, в высоту и вглубь.
только поспеть бы - выше закрая дел.
свист молодецкий взрежет смурную мглу,
за правосудье радостно порадеть.
спали мы долго, да и проспали ложь.
и обрели в соседстве злорадства пыл.
взыщем мы подать с душ, почерневших
сплошь...

...с думами вместе звон колокольный
всплыл...

...в крови у нас...

Цвет меняя на рудый, молчит трава.
Ей греметь бы сейчас, как в ночи трамвай
или гулко и громко повыть, как выпь -
нет умений таких у травы ковыль.
Широко распахнула объяття степь,

и в лазури распластан под стать ей стерх.
Кистью взгляда по небу-холсту мазнув,
навсегда на последнем посту заснул
тот, которого баловать жизнь могла -
мальчик, с птицей в больших окоёмах глаз.
Мог бы жить себе далее под Москвой,
был в селении маленьком - свой насквозь.
В угол совесть не смог он свою убрать,
в степь поехал, где русский воюет брат,
от мерзот и гнилья очищая дом.

Философия есть пребольшая в том:
у людей наших сотни своих россий.
Ну и сколько ж отчизн? - ты у них спроси.
А ответ не имеет нутра и дна -
и народ мы один, и страна одна,
и любому врагу не видать пощад!

Ведь в крови у нас - родину защищать!

...иди...

...чтоб гнать химер, усиливать падёж
любых скотов - от гнуса до нациста,
взведя курок, ты по стране идёшь,
воспетой гусяром и цимбалистом.

Нелёгко путь, прошитый сотней уз,
где судьбы вкрест от века долей общей.

В две стороны летит двухсотый груз,
и там, и там - на долю жёны ропщут.

В раздрае мир, и мозгом он не здрав,
урок не впрок, эффект его - кострище.
Ведь пить нельзя из грязного ведра,
от той воды подолгу кровью driщут.

Тебя в макушку Бог поцеловал,
ты как поэт несёшь живое слово.
Твоим мечом слагается глава
о битве в кровь с ордой змееголовой.

Трубит горнист,
аж горн ко рту присох,
уже не раз,
как сладок славы запах.

А ты иди, плюй красным на песок,
упав, вставай, иди, родной, на запад,
сквозь огонь и пал, и через сто пустот,
под клёкот гарпий, вопли оргий грязных,
смелей вперед,
всегда с тобою тот,
кто не даёт зубами смерти лязгнуть.

...когда пройдёт усталость от побед,
когда лицо отмоется от пыли,
то справа вдруг увидится тебе,

что ангел твой с прорехами на крыльях...

РАЗНОЕ

...другу, проспоровшему мне поход в кабак...

Ох, как хреново мне с утра!
Не помогает Алказельтцер.
Томит пожарище нутра
и шевелит изжога тельцем.

Наверно мир сошёл с ума!
В порыве жадном, просто хамском -
я под огромного сома
лакировал абсент шампанским!

Того не видывал Сократ,
не мог представить сам Овидий -
поллитра водки под салат.
Blanc Sauvignon под грудку мидий.

Нам трудно что-нибудь начать.
Начнёшь - польётся и покатит.
Я виски лил в себя с плеча,
заевши парой каракатиц.

Алкал вино грузинских лоз.

Тягуч ликёр в питье за здравье.

Официант нам преподнёс
букет.
Ну да - "Букет Молдавии".

Чуть позже был узбекский плов.

И вроде как - бадья солянки.

"Вдовы Клико" бокал. Неплох!

Почти как сок пошла "Тамянка".

Приходит пиршеству конец.
Я помню (помню?) бурный финиш.

Наливка с биркой про коней,
крюшон со вкусом спелой дыни...

Я говорил тебе в лицо,
что не покину эту залу,
пока вина Абрау Дюрсо
не осушу хоть полбокала.

Сумбурно бегали зрачки,
но вот - заиклились на штофе.
Припоминаю я почти,
что это был коньяк под кофе.

Нет. На работу я никак.
Угрюм и тих в углу компьютер.

Вот это был вчера кабак!!!

Вот это, блин, сегодня утро...

...стиШОК о(т) не ЩАСной любви...

Я сейчас напишу.
Напишу о любви о несчастной.
Вы не смейтесь, друзья,
потому как - пишу я уже.
В голове - белый шум
и пора уже склеивать ласты.
С тем - истлею в кизяк -
и в - ничто, как поручик Кижее...

Нет, не стану Толстым,
а Есениным - так и тем паче.
Тем не менее я
за околицей стрелку забил.
Только кинула ты...
Вот слезами белужьими плачу
и глотаю коньяк.
Так туби или, мать, нот туби?

Я стою, будто лох,
прислонившись седалищем к тыну,
меж синеющих губ
вылетают на волю слова,
что и файв уже клок,
что я в этом тумане простыну,
что ушла ты к врагу

и что мне, ёшкин кот, не плевать...

На колхозных полях
timoфеевка выглядит рожью.
Ничего-то не жду,
потому, что конкретно зачах.
Я Эмилю Золя,
если встречу, уделаю рожу -
у него в поводу́
рубанул я про стрелку с плеча.

Прошуршал ХТЗ
вдругорядь от соседа за водкой.
Я как памятник не-
рукотворный к забору приник.
Глянь! Теряю друзей!
Как святой стал - и тихим, и кротким.
За бортом - дождь и снег,
ну и кинутый я среди них...

Мне не видеть Канзас
и манящий названьем Кентукки.
Написал я стишок,
карандаш удержавши едва...
Ревматизм, ишиас...
На лекарство истратил три штуки.
В общем нехорошо
так надолго задерживать вас.

Отнимает отит
предпоследние тихие звуки.
От тоски исхудал.
И расстроен троичный мой нерв.
Помираю, итить,
но как Ванька с фамилией Жуков
всё пишу в никуда.

Опасайтесь, брательники, стерв!!!

...Россия. Век №20. Пёсьи вехи...

Начало века - многолико,
не разобрать породы псовой:

то - волкодав в оскале диком,
хоругви рвущий на Дворцовой.

То - пёс, бегущий краем моря,
похожий на морского волка,
кому укажут место вскоре,
намылив в Порт-Артуре холку.

Он - грациозная левретка
с веслом златым.

Таит обиды -
гоняет иволг.

Гладит ветку.

И воет, как на панихиде.

Катясь в столыпинском вагоне,
век-пёс (весьма похож на дога),
Европу цифрами догонит,
но разуверит Графа в Боге...

Потом легавым псом заляжет
в болотно-мокрые окопы.

Барбосом став, в картавом раже -
Россию в кровушке утопит.

Сменив окрас, нажравшись змейства,
восстав ротвейлером-придурком,
оскалясь, чавкает семейством
царёвым в Екатеринбурге.

Проснувшись моськой губчековой,
схоронит Блока. Делом плёвым
почтёт одеть попов в оковы
и расстреляет Гумилёва.

Кругом овёс и рожь не сжаты -
оголодав, став полной дурой -
стреляет моська по Кронштадту
и шлёт пинками прочь культуру.

Изроет площадь фокстерьером,
слюною брызгая елейно,
решит: красóты интерьера

украсит гроб, что в мавзолее.

А в двадцать пятом, в Англетере,
страну берёзового ситца,
утробно тьякая, похерит
(ведь тоже псовые?) - лисица..

Тридцатый. Буль хвостом бесовским
колокола в скорлупки колет,
горит, как щепка - Маяковский.
А булью мало! Морок, голод -

где урожаи в три вершины
кремлёвских башен. Жни и вей, и...
...крестьян душили там, душили...
Пей абырвалг, жри москвошвея!

Настал черёд овчарки рыжей -
восточно-злостно-европейской.
Дым беломора, зеки с грыжей,
евреи, бреющие пейсы.

Всё потонуло в грозном лае
и ледоруб убийства вырыт:
вот тонет Бабочкин-Чапаев,
а это - умерщвлённый Киров.

Овчарке рыжей мало.
Нужно:

- троцкистских прихвостней - в клозеты!;
- я отреклась вчера от мужа;
- арестовать прошу соседа;
- нет, не читал, но осуждаю;
- наш цех провёл по книге митинг;
- советска власть, нук, в рыло дай им!;
- спи,

воронок к соседу Мите...

Казалось, нет - просвет же будет,
и оборвётся рыжий график.
Героем станет чёрный пудель,
что был воспет советским графом.

Овчарке впрыснули морфину,
и обнажилось вновь уродство,
добавив Маннергейма, финнов.
А в шуме том - родится Бродский.

Раздел Европы. Пакт некрозный.
За это выпито по чарке.

прибалты - в сладострастной позе...

В клубке рычащем две овчарки.

Одна пыталась малой кровью:
о панцирь сломаны все зубы.

Боль отступлений. Слезы вдовы.
Черным-седая стала шуба
пса, крутанувшего верньеру
походной рации в землянке.

Сменился вид у пса. Терьер он.

Летит командная морзянка:
собрать в кулак всю силу воли
и дать отпор немецкой суке,
так чтоб живот её от колик
болел, услышав лая звуки,
собаки с кличкою Катюша,
что посыпает пеплом с сажей
и поливает чёрной тушью
хвосты и морды стае вражьей.

Уже овчаркин хвост обвислый
боится флагом стать на рее.

Терьер намок в холодной Висле,
и лабрадором стал под Шпрее.

Потом в обличье сенбернара,
вооружившись щупом длинным,
обеззараживал кошмары
в полях под Прагой и Берлином...

Страна зализывает раны.

Спит в подворотнях, как дворняга
под улюлюканье Тарзана,
трофеем взятого в Рейхстаге.

Нет хлеба,
мыслей нет о сальце
в башке собак, сейчас бездомных.
Но выть не хочется под вальсы
певицы Корьюс в роли Доннер.

Дворовый дружит с пекинесом,
и не в одной чуть будке спит он
с балканской гончей (позже - бесом
её признают) кличка - Тито.

Дворовый чуть переживает,
что не дорос до родословной.
Решил - я есть сторожевая!
Мой зуб - железен. Безусловно!

Хана змеюкам подколодным,
бомбившим смрадно Хиросиму!
Настал черёд войне холодной -
такой, как в Магадане зимы.

Надев очки-велосипеды,
набив в штаны хлопчатой ваты,
ищейка начал нюхом ведать
о том - делим ли, нет ли - атом.

Помимо этого, учёным
он приказал, чтоб на бумаге
про то писали синим, чёрным...
А их силком согнал в шараги.

Мужи учёные ночами
мудрили с атомом бессонно,
пока в войну играл с врачами
пёс-сторож в тряске Паркинсона.

И вот последний врач-вредитель
был растворён, как в венах тромбы.

Стук в будку сторожа.
- Войдите.
- Теперь и мы имеем бомбу.

Весна встречала мир грачами,
а сторож главный выдал номер:
так поборолся он с врачами,
что без врачей он взял, да помер...

Труп в состоянии этруска,
в бальзам живительный заклеив,
курносый пёс - бульдог по-русски,
на время спрятал в мавзолее.

Ходили студнем тряским брыжи.

В подвал, где сталью крыты двери,
скорей (бульдоду нужно выжить),
загнал очкастого, как зверя.

Служивый пёс (ошейник в звёздах,
их, золотых одних, четыре!),
тому, в очках, окликнув грозно,
наделал в шкуре много дырок.

Бульдожий спич:
Гей!
Вся порода
сторожевых к ногтю прижата.
В газете крупно:
враг народа
пёс имярек.
Газета - зятя.

Чтоб совесть чем-нибудь очистить,
бульдог решил - отпустим скоро
морально близких псов.
Амнисти-
-я.
всем шакалам с кличкой - воры.

А вскоре - в "Правде" нет известий.
В "Известьях" - правда, но от зятя.
И словеса-вода на съезде.
Слов твёрдых нет. И негде взять их.

Ушастым корсаком вдруг станет -
что хвост, что речи - крайне длинны -
и вот в ковыльном Казахстане
под солнцем жарится целинник.

Одежда - вся - сплошные латки,
мечтал о доме, уезжая.
Но так и мучится в палатке,
рекорды ставя урожаем.

Но не всегда на небе хмуро.
Есть в жизни пёсьей просветленья.
Запущен спутник с Байконура.
Есть ледокол, пускай и "Ленин".

Бульдог меняет френч на майку -
то - фестивальнй штрих, хоть мелкий.
Затем влезает в шкуру Лайки.
И знают все о Белке-Стрелке.

На волю выпущена книга
стихов Ахматовой прекрасной.
(стихи - в народ, в кармане - фи́га).
Затравлен Зоценко. И гаснет...

Якутов, коми, всех подряд - на
территории Союза
курносый пёс, поддав изрядно,
заставит сеять кукурузу.

Ему без разницы - растёт, нет.
Он знает, что, как говорится,
она везде и всюду в плане.
И звание ей - полей царица.

Боксёр.
Хук справа. В губы Кубы
ракет сигары в виде приза.
В ответ - ретривер скалит зубы.
Итог всему - карибский кризис.

Булдого.
Боксёр.
Колхозник знатный.
Внезапный пленум.
Выгнан шавкой.
Посёлок. Будки куб заштатный.
Плюс мемуарный зуд в отставке.

На том же пленуме был признан
тот, что бровями был союзен.
Порода? Южно-русский ризен.
Зато - противник кукурузы.

И с кукурузными делами
бровастый пёс, как мог, боролся.
Прошёл запрет развала храмов
и тунеядцем признан Бродский.

Пёс становился гончим часто -
ловил ушастых на поляне.
Благоволил партийным кастам.
Всё длиньше речи. Больше - планы.

Любил повыть на звёздный космос
так, что в башке рождался вакуум.
Драл иностранных псов за космы -
их клички - чехи и словаки.

Бил в ухо он за хулиганство
неукротимых пекинесов
(бомбил их даже на Даманском).

В Саянах ризен строил ГЭСы.

Порою тьякал таксой, дабы
не умереть в большой тоске, и
star-асом слал в ворота шайбы,
назло канадскому хоккею.

Дружил с ретривером, и стейка
с ним на орбите съел приватно.

Наполитан ему "копейкой"
влёт разрешил назвать "фиата".

Потратил ризен много денег
(пока нефтянка их давала) :

- чтоб прочь уехал академик;
- и чтоб Луиса с карнавала
скорее выгнала бы челядь;
- ракеты в Африку ввозил он;
- рот затыкал виолончелям;
- и запружал верховья Нила.

Сродни любовь у пса к наградам -
любви Изольды и Тристана.
Не награждает Запад (гады!)
за ввод борзых в Афганистан им.

Блестит Москва пятиколечно.
Ест сервелат певица Пьеха.
Летит медведь к созвездьям млечным.
Ретривер с псарней - не приехал.

Застыл ноябрь гудком фабричным.

В политбюро - игра в орлянку.
Возглавил похороны лично
поджарый пинчер. Пёс с Лубянки.

Себя он чувствовал не очень.
Но дешевле пристало водке.
А есть икру по дням рабочим
он запретил приказом чётким.

Недолго пинчер был у власти.

Нашёл покой у стен огромных.

Тот, кто за ним - и свет не застил -
но экономил экономно.

Пёс неопознанной породы
лишь промелькнул. Вот был - и нету.

Настала очередь погоду
творить здесь мопсу с чёрной метой.

Он, будто сеттер, делал стойку,
и бассетхе строил глазки.
Задумал - будет перестройка.
Напомнил: нынче всё здесь гласно.

Как Хлестаков писал прожекты,
и пропустил на площадь "Сессну".
А перестроечный прожектор
светил в углы капеэсэсно.

Пытался мопс унять раздоры
семейства шавок разномастных.
Лопаток пачку выслал в горы,
прибалтам кляпы ставил властно.

Впадала псарня с лаем в кому
от недопитья по талонам.
Вожак теперь - в любой из комнат,
а в коих даже - флаг зелёный.

Он клин пытался выбить клином,
произносил на память речи.
Но днём одним - стена в Берлине
упала, штази изувечив.

Повысил цены водки жутко.
Но то беда, что - по талонам.
И травит псарня круглы сутки
себя тройным одеколоном.

Усталый мопс.
То съезда меры,
то депутатов пёсских бденья,
(с)об(ч)щак гвалтливый, полум(э)еры,
возвратный, с ядом, академик.
Деппсы вконец его достанут.
Кричат и днём и ночью: бойся!
Пришлось скорее из Афгана
(а страшно ведь!) отправить войско.

Совсем нет мыла. Грязь - конкретна.
Бензин течёт струёй на Запад.
Шоссе пикетом сигаретным
закрыто. Бунта стойкий запах
завёл всю стаю мопса в угол.

Рефлексы Павлова. Реформа.
Путчисты.
Мопс был переПУГОн.

Он думал, что все стёжки - торны...

Мопс замурован в будке крымской.
Без коммунизма - ночью ломка.
Летучий пёс (стал позже крыской),
по приказанию болонки
его загрузит в ТУ поклажей
и отвезёт скорей в столицу.
Болонка всей стране покажет,
что никого он не боится...

Быльём опали рая кущи.
А вместо власти - запах серы.
Засилье троицы из пущи.
Распад и пыль эсесесера...

Укусы мухи декабрёвой -
болят, хоть до упаду гавкай.
Светя отметиной багровой,
подпишет мопс свою отставку...

Болонка - власть, конкретно чисто,
отметил, вроде как, прогрессом.
Запрет наклал на коммунистов,
уже своих, расейских, местных...

Но суд на утренней на зорьке,
с проворством хитрого дантиста,
запрет подверг публичной порке

и узаконил коммунистов.

Болонке, сколь он не нахрапист,

не распылить на всё силёнок.

Реформа. Рынок.

Даже запил:

зарплата - в среднем - пять зелёных...

Затрясся мир, считая сольдо,

в трясучке,

слёзно так, пропето:

нам не хватало Верхней Вольты,

но запускающей ракеты.

И внутривенно, и подкожно

собаки запада впитали,

что прокормить Россию можно.

И стали жить прицелом дальним.

Овчарка шлёт бекон, сосиски.

Наполитан - трусы и майки.

А бассет выслал даже виски -

бутылка скотча - к каждой пайке.

Страна не глаженных шарпеев

стране нестриженных болонок -

шлёт ножки Буша, фанту - пей-ешь!

И фильмы с Шином и Сталлоне.

К болонке белой коккер рыжий
сумел в доверие втесаться.
Они со шпцом толстым крыжат
расценки демприватизаций.

Натужно лает чау-чау.
Он дней пятьсот был мопсу близким.
Премьерства ждал он - вау, чур я!
В пайке премьерском - "ява" с "клинским".

Но дальше слов и деклараций
у чау-чау не сложилось.
Он не пошёл в совмин ломаться.
Ему б потявкать! Это - в жилу!

Пока народ не начал шлаться,
добычи ради - в город с дрыном,
как камуфляж приватизаций -
в стране объявлен полный рынок.

И потащили псы из будок
на тротуарную продажу -
кальсоны, статуэтки Будды,
и тапки стоптанные даже.

Довольны все. Народ ликует:
под зад наддали дефициту!
Купил: кто ракушку морскую,
а кто - три шахты с антрацитом.

Но недовольными остались
деппсы, сидящие в палатах.
Купить хотели тонну стали,
а им - полцентнера булата.

Обида гложет. И закрылись
в палатах на замок английский.
Объявлен был вождём крылатым -
болонка-вице. Он, как крыска,

кричал по рации: я воин.
Мне телецентр уже подвластен.
Пальнули танки с диким воем.
И улеглись тогда все страсти...

А вскоре вождь одной из комнат
махать начнёт зелёным флагом,
глаза закатывая томно:
я суверен. Костями я лягу,
но отделюсь от вашей псарни,
(и затянули хмарью дымной
ложь, смута дней войны ударной.)
болонка, не указчик ты мне!

Косила смерть полки служивых.
Убиты тысячи ищеек.
Захваты. Слов тирады лживых.
Болонке нет за то прощенья.

Конфликт умяли еле-эле
посредством пса по кличке Птица.
Но не заткнули смрадные щели -
и злоба в них во всю дымится.

И псов войны запрятав в горы,
не смог болонка-перестарок
остановить волны террора -
как меч домоклов, страшной карой

висит над городами ужас:
то взрыв домов, то страх в роддоме,
в подземке кровавые лужи -
синдром гоморры и содома...

Сменил премьеров полколоды -
но пластилин один, не кремний.
И всё же перед Новым годом
был найден, вроде бы, преемник.

Ему поручена задача
сойтись со злыми псами в клинче.
Этап, похоже, новый начат.
Преемник - вновь лубянский пинчер.

За день до окончания века,
болонка твёрдым рыком-лаем
свою заканчивает веху
и об отставке объявляет.

На рубеже тысячелетий
пускай не гаснет свет надежды.
Пусть новый век Россия встретит,
не сжав от страха пёсьи вежды.

Отсчёт пошёл.
И пусть читатель
в меня невежеством не тычет.
Всё - субъектив.

Желаю, кстати,
в пути успеха,
здрав будь,
пинчер!

...пятница, 13. ночь...

Ночь рассыпалась жемчугом чёрным.
По аллеям вдоль парка - печаль.
Воздух дымке пленился покорно.
Небо чёрное - ночи вуаль.

Всё напоено чёртовым ромом.
Запах трав - чёрный рижский бальзам.
В черноте своей всё незнакомо -
страха чёрный клубок на глаза.

Ночь - пора колдовства, чернокнижья -
воронёным стволом у виска.
Чёрных страхов щемающая грыжа.
Чёрных шорохов жуть и тоска.

Чёрной зависти чёт, да и нечет,
нежить чёрная, злая напасть -
угнетают, рассудок калечат,
показав свою чёрную власть.

Чёрной кровью сгущается темень.
Воды озера - как чёрный лак.
За кустами - упы́рское семя -
ждёт минуты своей вурдалак.

На верхушках раскидистых елей -
чернокрылие врановых стай.
"Поскорей петухи бы запели!
Ночь! В рассвете скорее растай!" ...

А пока в чёрном парке старинном:
черноты смоляной антрацит,
заполу́ночной сажии перина,
чёрных тénéй пугающий вид...

...Иван-дурак и счастье...(то ли быть)...

1.
Жил Иван-дурак, года без счёта,

В общем, так почти, как в сказке древней.
Хлеб жевал, копал, пилил он что-то.
Был Иван - дурак для всей деревни.

Ваня (знал бы кто!) - любил порядок.
Где бы ни был: в доме, на природе -
скажет кто: дурак! А Ванька - рядом.
- Я слышал - меня вы звали вроде.

И от дел таких терпел разор он.
Все гоняли Ваньку, как умели.
Мол, нельзя начать и разговору -
он, де, тут уже - мели Емеля...

А имел Ванёк такую долю
от того, что в каждом разговоре
поминали волей, иль неволей
дурака. Такое, братцы, горе.

Почитали Ваньку за вражину,
хоть и не был он ко злу причастен.
С дураком в деревне не дружили.
И не знал Ванюха в жизни счастья.

Не ходил никто к Ванюше в гости.
На тропе к нему полынь не сжата...
Как ему в избе своей жилось-то?
Ваня (знал бы кто!) - кропал стishата...

2.

Как-то раз услышал краем уха
наш дурак, опять впросак попавши,
то, чего не видел даже духом
(но в стихах своих о том писавший!),

Что за дальним полем-огородом
поселилась птица-оригами.
(Захотелось, де, вкусить природы.)
Дружбу водит - только с дураками.

Расправляет крылья пополудни.
Крылья, правда, (врут ли?) из бумаги.
Ходит вдоль реки и дышит грудью.
Крылья расписные - кольца, флаги.
И чего-то всё бубнит и шепчет -
будто поминальную молитву.

Час от часа - от часу не легче -
резанула Ваньку новость бритвой.

Было б лучше, если, скажем, врут бы -
загорелся Ванечка от мысли
заиметь какую, хучь бы, дружбу!
Стало б хоть маненечко не кисло...

Вечерело, бабы шли с покоса.
Над рекой туман, как покрывало.
Ванька наш - босой, простоволосый -

из деревни - шмыг. Как не бывало...

3.

Стали замечать с конца июля
люди из знакомой деревеньки -
некому под нос подставить дулю,
или по башке дурацкой тренькнуть.

Даже громко пробовали кликнуть:
сам дурак! Да толку никакого.
Только эхо отвечает дико,
поминая участь дуракову.

4.

А за огородами - причуды.
Деревенским дюже интересно -
круглы сутки рябь в глазах от люда,
ночи напролёт - стихи и песни.

Постоянно кто-то возле вяза
правою рукою воздух рубит
и слова рифмованны, зараза,
выдаёт, рыча и воя грубо.

Подползли однажды к самой даче.
Во дворе, конечно, шум и гомон.
А у вяза, ештыть, не иначе,
Ванька-дурачок им всем знакомый.

Ваньке всевеликое почтение
воздаёт красotka-оригами.
Чай и квас, закуски и печенья.
И никто не бьёт его ногами.

А дурак возводит очи к небу,
достаёт перо и лист бумаги,
пишет и читает на потребу
всей толпе рифмованные саги.

Вид у дурака такой счастливый,
будто на картинке из лабаза.

Вот он где. И рады, что нашли его.
А ведь говорили, что нет спасу.

5.

Ванька, от почтения от такого,
весь краснел, как помидор в теплице.
Ну и угораздило дурного
в оригами омутно влюбиться.

И не подавал сначала виду,
да терпеть невмочь такое чувство.
В общем - с головой себя он выдал -
стало пламенеть его искусство -

И куда девались только сказы
о природе, да о синем небе?

Потеряв покой, а с ним и разум,
стал Ванёк дружкой Амуру с Фебом.

А девица - крылья порасправит,
поглядит на Ваньку взглядом томным,
головой поводит - влево, вправо,
да и позовёт его в свой домик.

Не было Ванюшеньке отказу,
только знай стихи строчи и песни.
Стоит подмигнуть девице глазом -
Ванька - тут как тут - от страсти тесно.

6.
Доброю была девица с дачи.
Доброю всю ночь и спозаранку.
Добрая была, а это значит -
добрая была не только с Ванькой.

Только наш Ванёк того не видел -
он, народом вечно сильно битый,
Растворил всемерную обиду
в даче, что была плющом увита.

Как кутёнок, что не помнит мамки,
полюбил (и нету с чувством сладу -
вышло за пределы и за рамки)
ту, что по головке Ваньку гладит.

Не было с девицей перспективы.
Лето на исходе, скоро в город.

Ваньке невдомёк. Он весь счастливый.
Надо будет - выворотит горы.

7.

А в деревне созывали вече:
как остановить им распри, ругань?

Порешили: как наступит вечер -
Ваньку с дачи - вон. На цепь и в угол.

Чем махать рукою возле вяза,
чем спевать не знамо что до ночи,
усмиряет драки пусть, зараза!
Он дурак ведь! Мало ль, что он хочет?

Запаслися крепкою верёвкой,
выждали заветного заката,
И на дачу торной стёжкой-бровкой,
пробралися тихо, словно тати.

А Ванюха спит себе под вязом.
И конечно в снах он видит птицу.

Не ведёт ни ухом, и ни глазом,
что беда сейчас должна случиться.

Ну а оригами, после чая,
вся от доброты горя огнями,
гостя в доме смачно привечает,
что приехал к ней на дачу днями.

Подивились сельские людишки:
вроде ж это Ванькина зазноба?
А мурчит с другим шумливо. Ишь ты!

Да, Иван, дурак ты, вишь, до гроба!

Повязали Ваньке руки-ноги,
кляп ему воткнули в само дышло.
На глаза повязку - для надёги.
И в деревню. Тихо, еле слышно.

8.

Утром Ванька глаз приоткрывает,
да не верит собственному глазу.
Весь в цепях. Привязан будто к свае
старого забытого лабаза.

А вокруг него людишек - темень!
Чуть не пляшут - весело народу!
С криками: дурак! рукою в темя
Ваньку тычут все поочерёдно.

Ткнут, заржут утробно, да на выход.
Цельный месяц смеху не бывало ж!

От ишь, елки-палки, Ваньке лихо!
А народ с деревни валит валом!

Цельный день по темечку Ванюху
тыкали до умопомраченья,
Надрывали в смехе тихом брюхо,
да и восвояси со значеньем.

Понял Ванька - будет только хуже.
Затаился, ждёт прихода ночи.

Куклой для битья - деревне нужен.

Только - быть любимым Ванька хочет.

На макушке - шишки пирогами.
А вокруг его - лабаз постылый.

Помнит Ваня девку-оригами.

9.

...А она, похоже, и забыла,

что Ванюшу месяц привечала.

Август ищет место на погосте.
На пороге осени начало.

Увлеклася птица новым гостем.

Живописный гложет гостя голод -
день и ночь рисует акварели.
И зовёт он оригами в город.
Та - согласна. Рада. Песни, трели
напролёт весь день слышны от дачи.

Знать забыла оригами Ваньку,
знать не знает, что он в бедаде.

Укатила в город спозаранку.

10.

Ванька на цепях. Стенает, плачет.

Уходя, последний из народу
прошептал Ванюшеньке на ухо:
птица эта пела ночью оду
гостю городскому,
он же - ухал,
охал любовоострастно, будто филин.
Ну а ты - дурак - под вязом спамши.
Экий ты, Ванюха, простофиля!
Ты её забудь. Нужён ты нам же!

Врёшь ты всё, ой, врёшь! Зачем? Не надо!
Пол залил слезливыми дождями.

Руки - к небу - рухнула стена-то,
сбитая подгнившими гвоздями.

Выбежал Ванюха и по полю
затрусил, как полоумный заяц!
Как? Почто? Кому поверить боле?
К птице! Оригами правду знает!

Ты куда! Не смей!,- проснулся сторож.
Съехала с утра твоя подруга!

А Ванюха жмёт, как поезд скорый
и горит, как в топке чёрный уголь...

И бежит, бежит Иван за счастьем,
разрывая путы и оковы.
Не было печали, вот напасть-то -
сам дурак. И счастье дураково.

